

МИР народов

Серия: Наука и практика

№ 1 — май 2017

mirnarodov.ru

Электронный журнал
Мир народов. Серия: Наука и практика

№ 1 — май 2017 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, магистрантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Журнал основан в июне 2016 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77 - 66126 от 20.06.2016 (СМИ — «сетевое издание»).

Главный редактор журнала — **Борис Владимирович Космач**, директор РОО «Чистый Крым».

Выпускающий редактор — О. О. Пернацкая.

Ответственный за выпуск — С. А. Вишневский

Учредитель: ООО «МИРТ», издатель: РОО «Чистый Крым».

Место издания: Ялта, Республика Крым.

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://mirnarodov.ru>

E-mail редакции: red@mirnarodov.ru

При оформлении обложки по публичной лицензии «Creative commons CC0» (pixabay.com) использована работа художника Pete Linforth.

Редакционный совет

Бекирова Эльмира Шевкетовна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Бекиров Сервер Нариманович — кандидат политических наук, доцент, кафедра философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Береснев Андрей Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент, директор Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Вишневский Владимир Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и управления учебными заведениями, председатель Совета молодых ученых Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Вишневский Сергей Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Новиченкова Наталья Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Пономарева Екатерина Валериевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Попов Максим Николаевич — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой здоровья и реабилитации Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Разбеглова Татьяна Павловна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

Рындач Марина Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса, руководитель образовательной программы направления подготовки «Туризм» Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Гуменюк Андрей Юрьевич — младший научный сотрудник Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника дворец-музей Александра III в Массандре

Содержание

Вишневский В. А. Вступительное слово	2
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Кравчук П. А. Система водоснабжения античных городов Крыма IV–I вв. до н. э.	3
Царина М. А. Меценатство семьи Скирмунт в развитии образования в Таврической губернии в конце XIX — начале XX века	7
Кучмина М. В. Проведение естественнонаучных экскурсий на Южном берегу Крыма для учащихся и учителей гимназий (конец XIX — начало XX вв.)	10
Романенко Ж. С. Становление и развитие гостиничного хозяйства на Южном берегу Крыма (2-я половина XIX — начало XX в.)	16
Тимошенко Ю. В. Коллекция предметов римского импорта в Ялтинском историко-литературном музее	21
Товстуляк В. В. Формирование новых культов верховных божеств Ольвии в I–III веках н.э.	25
Хоменчук А. И. Крепость Чембало в системе генуэзских укреплений Крыма XIV–XV вв.	29
Ванькевич Е. Н. Развитие конфессионального образования Крыма в отечественной дореволюционной историографии (середина XIX — начало XX вв.)	33

Вступительное слово

Наука выступает одним из важнейших и специфических видов деятельности человека, ключевая цель которого — систематизация информации об окружающей реальности, создание конкретных теоретических положений и их реализация на практике.

Безоговорочным критерием качественного функционирования современной образовательной организации высшего образования является неразрывное единство образования и науки, как основных составляющих подготовки высококвалифицированного и конкурентоспособного специалиста.

Насущной проблемой современной системы образования выступает ситуация, когда с основами научной деятельности обучающийся знакомится только в рамках написания квалификационной работы. Так как наука — это неотъемлемая составляющая учебного процесса в высшей школе, данная ситуация замедляет динамику развития интеллектуальных и профессиональных способностей студентов, ведь значительная часть времени тратится на получение тех знаний, которыми можно было бы овладеть раньше.

Согласно такому подходу одним из приоритетных направлений деятельности Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте является стимулирование и поддержка обучающихся в научном и профессиональном росте. В значительной мере реализации данного подхода способствует деятельность на базе академии Совета молодых ученых.

Целями деятельности Совета молодых ученых выступают содействие развитию творческой научной активности молодых ученых академии, повышение уровня квалификации, обеспечения преемственности в сфере отечественной науки и высшего образования, интеграции молодых ученых в приоритетные фундаментальные и прикладные научные исследования, а также защиты прав и интересов молодых ученых в сфере профессиональной деятельности и оказания помощи в решении их социально-бытовых проблем.

Публикация в научном журнале — важный элемент апробации результатов своих научных исследований и практик. Поэтому популяризация данного вида работы среди обучающихся и молодых ученых — актуальная задача современности.

Вишневский Владимир Анатольевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
председатель Совета молодых ученых Гуманитарно-педагогической
академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» в г. Ялта

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК: 904:6

Кравчук П. А.

студент 2 курса, направление подготовки
«История» Гуманитарно-педагогическая академия
(филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского» г. Ялта

Научный руководитель: Новиченкова Н. Г.

к. ист. наук, доцент кафедры истории,
краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского» г. Ялта

СИСТЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ КРЫМА IV–I ВВ. ДО Н. Э.

Статья посвящена рассмотрению процесса водоснабжения древнегреческих городов и поселений Крыма в VI–I вв. до н. э. На основании изучения археологических отчётов различных экспедиций можно сделать вывод, что колодцы в эллинский период в Крыму строили практически в каждом бытовом или жилом строении. Исследуя комплексы городища и артефакты из культурного слоя, можно допустить, что в греческую эпоху на территории Крыма и Северного Причерноморья водопроводов не существовало, их заменяли водостоки на отдельных участках городов и поселений.

Ключевые слова: археологические отчёты, водоснабжение, раскопки, исследование, колодцы, водостоки.

Постановка проблемы. Изучение способов, приёмов и методов организации водоснабжения городов и поселений Крыма, в древнегреческий (VI–I вв. до н. э.) период, включая сооружения для добычи, подачи, сбора и хранения воды.

Постижение истории Крыма на основе проведения археологических исследований способствует сохранению истории родного края, а также является дополнительным материалом при изучении истории о водоснабжения Крыма в античный период.

Изложение основного материала. В Крыму всегда существовала проблема нехватки пресной воды. С давних времен различными народами создавались многочисленные гидротехнические сооружения: фонтаны, арыки, подземные галереи-кяризы, искусственные озера-голи. Заселение греками Крыма начинается с VII в до н.э. уже на начальном этапе колонизации Крыма греки приступают к строительству гидротехнических сооружений — колодцев.

В архиве Керченского музея-заповедника хранится отчёт об археологических раскопках Пантикапея за 1959–1960 гг., составленный руководителем экспедиции В. Ф. Гайдукевичем, в котором представлено интересное описание колодца: «К VI слою — I в. до н. э. Ново-Эспланадного раскопа относится каменный колодец № 446, открытый на 80–81 отсеках». Он имеет почти квадратную форму (внутренний размер 1,02 x 0,96 м), сконструирован из правильных блоков размерами 0,60–0,65 x 0,40 x 0,40 м, уложенных по два с каждой стороны. Плиты сложены в виде замка, каждый блок своим торцовым концом упирается в сторону другого блока. Такая система кладки колодцев широко применялась в Олинфе и других городах Греции позднеклассического и эллинистического времени. [1, с. 8, 9, 10].

Блоки трёх сторон колодца через ряд имеют зарубки, в которые вставлялись, по-видимому, планки для спуска вниз. Возможно, что спуск вниз для систематической чистки и без вставных палок. Глубина залегания верхнего ряда камней колодца составляет 3,6 м от западного борта. Каменный ствол колодца (размер его 1,8 x 1,84 м) как бы вставлен в котлован, выкопанный в материке; размер котлована 2,25 x 2,05 м.

В верхней части колодец был заполнен камнями. Слой камней прекращался на глубине 3,2 м. дальше шёл серый вязкий грунт, содержащий находки III–IV в. н. э.

Таким образом, колодец, сооружённый вероятнее всего в I в. до н. э. использовался длительное время, вплоть до IV в. н. э.

Исходя из изложенного в отчете, нужно отметить, что наличие колодца свидетельствует об отсутствии в этой местности открытых источников — рек или озёр, следовательно, люди приспосабливались к окружающей среде: искали под землёй водоносную жилу, учились изготавливать необходимый инструмент не только для рытья земли, но и для отделки камня. Особая их кладка и строгие размеры говорят о хорошо выработанной технике строительства колодцев. Эта техника, по словам В. Ф. Гайдукевича, широко применялась в городах Эллады. Использование колодца на протяжении 400 лет заставляет задуматься о прекрасном качестве и профессионализме исполнения работы.

Раскопками в Пантикапее также занималась И. Д. Марченко. Изложенный в её археологическом отчёте материал предоставляет сведения о том, что в юго-восточном углу пятой террасы находился выход водостока от колодца, вода в который поступала из колодца. Промежуточным звеном между ними являлась большая цистерна, раскопанная в 1962 г. Таким образом, археологи обнаружили объекты III в. до н. э. — колодец и цистерну [2, с. 7, 8].

Исходя из данных научных отчётов, выясняется, что в греческом Пантикапее водопровод не использовался, но широко применялось строительство колодцев и цистерн.

Близкая по устройству система водоснабжения существовала в Херсонесе. Г. Д. Белов, проводивший раскопки в Херсонесе, писал о том, что во дворах домов жителей этого города находились колодцы для ключевой воды или цистерны для сбора и хранения дождевой воды. В некоторых домах имелись и цистерна, и колодец [3, с. 239].

В строительстве античных городов Северного Причерноморья и Крыма наблюдается интересная особенность, связанная с нехваткой питьевой воды. Помимо колодцев, использовавшихся для добычи воды из недр, эллины научились собирать и сохранять талую и дождевую воду. Для этого они строили специальные водостоки, направлявшие потоки воды в предназначенные для это резервуары-цистерны.

Летом 1948 г. Боспорская экспедиция впервые развернула на городище Илурат археологические работы в достаточно большом масштабе. За время раскопок, продолжавшихся два месяца, группа учёных вскрыла 1500 м площади. В отчёте В. Ф. Гайдукевича о раскопках городища Илурат обращается особое внимание на водосток, ограниченный двумя поставленными вертикально плитами, на которые сверху была возложена третья массивная плита, выдерживающая всю тяжесть кладки. Размеры поперечного сечения водостока: высота — 0,38 м, ширина — 0,22 м. Его дно было выложено камнями, и сам канал открывался на улицу. Уровень пола подходил почти к уровню нижней границы плиты, прикрывающей водосток, что значительно усложняло решение вопроса системы отвода сточных вод из раскрытого комплекса построек. Было описано еще одно помещение, которое по оригинальности раскрытых в нём остатков по праву является уникальным и даёт картину своеобразного святилища. В нем археологи обнаружили еще один водосток, который делил помещение на две неравные части. Его длина — 5,18 м, ширина — 0,77 м. Водосток шел от оборонительной стены, где был заложен камнями. Это обстоятельство побудило В. Ф. Гайдукевича предположить, что, либо водосток имел слив под оборонительную стену, либо он является своеобразным бассейном внутри помещения, а также мог служить в качестве имплювия. По краям водосток ограничивался небольшими

плоскими плитами, поставленными вертикально и значительно выдающимися над общим уровнем пола. Дно водостока было выложено мелкими камнями, плотно утрамбованными, и, по-видимому, скреплёнными между собой цементирующим раствором [5, с. 50, 51].

Одним из городов Херсонесского государства являлась Керкинитида, раскопками которой занималась М. А. Наливкина. Ей удалось обнаружить эллинский дом с водостоком и отстойником для дождевых вод, находившимся в верхнем позднеэллинистическом слое [4, с. 264].

О водостоке, выявленном в Херсонесе, писал Г. Д. Белов, который уделял внимание раскопкам и изучению не только колодцев, но и водостоков. В ходе проведённых им в 1935–1936 гг. исследований был выявлен водосток, от которого сохранилась плита с продольной выемкой для канала водостока, устроенного в направлении с запада на восток. Другая такая же плита имела в насыпи между стенами. По стене проходил канал другого водостока, сложенного из плит, поставленных на ребро. Горизонтальное перекрытие не сохранилось. Канал был заполнен чистой пластичной землёй чёрного цвета, характерной для водостоков. Описываемое помещение, очевидно, было закрытым двориком с вымосткой из камня и с двумя каналами для стока дождевой воды и канализации [6, с. 15].

Располагая возможностью изучения отчёта об археологических раскопках Б. В. Фармаковского за 1902–1903 гг., можно отметить высокое качество проведения полевых исследований, которое проявилось в тщательном и кропотливом изучении культурного слоя Ольвии.

При проведении раскопок одного из домов он обнаружил, что в юго-западной части вымостки оказалась небольшая яма (глубиной 1,60 м, диаметром 1,15–1,25 м) а около неё — остатки каменного водосточного канала с черепичным дном (ширина — 0,25 м, высота боковых стенок — 0,15 м, толщина — 0,10 м). Канал имел уклон и отходил непосредственно от сохранившейся части вымостки. Это обстоятельство наводит на важное умозаключение. Оно явно указывает на то, что помещение с мощёным полом должно было находиться под открытым небом: в нём могла накапливаться дождевая вода, которую и нужно было из него выводить [7, с. 50].

Помимо этого, ученым была раскопана ёмкость для хранения воды, представлявшая прекрасную цистерну. Цистерна устроена была в помещении, окружённом со всех сторон каменными стенами, и частично вырезана в материке. В горизонтальном сечении она представляла круг, а в поперечном разрезе (сверху вниз) имела грушевидную форму. Верхнее отверстие цистерны имело диаметр 1,50 м.; внизу диаметр цистерны достигал 3,21 м. На дне её имелось небольшое воронкообразное отверстие для собирания образовавшихся в воде, содержащейся в цистерне, осадков. Общая глубина цистерны, считая воронкообразное углубление и каменную обкладку, составляет 5,9 м. Так как цистерну можно было сделать только в материковой земле, то по необходимости её пришлось устроить в помещении [7, с. 51, 52].

Подводя итоги раскопкам, Б. Ф. Фармаковский делает следующее заключение: «Размеры ямы, и то, что в ней ровным счётом ничего не было найдено, говорят о том, что, едва ли через яму был устроен вход в помещение с цистерной. Между тем то обстоятельство, что поблизости от громадной цистерны найден водосток, прямо указывает на то, что водосток, скорее всего, должен был отводить воду сюда, а в таком случае яма — самое удобное место, где бы водосток мог сообщаться с цистерной» [7, с. 52].

Делая вывод из приведенного описания, можно увидеть, насколько сильно люди ценили воду, старались её сохранить, делая резервуар в подвальном этаже своего дома, а также очищая воду посредством сбора осадков в углублении цистерны.

Выводы и предложения. В завершение следует отметить следующее: согласно приведенным в археологических отчётах Г. Д. Белова, В. Ф. Гайдукевича, И. Д. Марченко, Б. Ф. Фармаковского данным, можно установить, что колодцы в эллинский период устраивали практически в каждом жилом помещении. Исследуя городища и опираясь на

наличие артефактов в культурном слое, можно прийти к выводу, что в греческую эпоху на территории Крыма водопровода не существовало, а наличие водостоков говорит о том, что многие старания были приложены к сбору дождевой воды.

Литература

1. Гайдукевич В.Ф. Отчет о раскопках Пантикапея в 1959–1960 гг. (начальник экспедиции В. Ф. Гайдукевич) // Научный Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. — Опись 2, единица хранения 118.
2. Марченко И. Д. Отчет о раскопках Пантикапея за 1967 и 1968 гг. (начальник экспедиции Марченко И. Д.) // Научный Архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. — Опись 2, единица хранения 224.
3. Белов Г. Д. Херсонес Таврический: историко-археологический очерк. — Л. : Государственный Эрмитаж, 1948. — 147 с.
4. Наливкина М. А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948–1952) // История и археология древнего Крыма / Академии наук Украинской ССР ; отв. Ред. П.Н. Шульц. — Киев : Издательство АН 1957. — С. 264–281.
5. Гайдукевич В. Ф. Отчёт Боспорской Археологической экспедиции за 1948 г. (начальник экспедиции В. Ф. Гайдукевич). Раскопки древнего городища Илурад в 1948 г. // Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. — Опись 2, единица хранения 113.
6. Белов Г. Д. Отчёт. О раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. [Электронный ресурс] / Г. Д. Белов // Отчёт о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. — Государственное Издательство Крым 1938. — 366 с.
7. Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. — СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. — 338 с.

УДК: 908: 37 (47)

Царина М. А.

студентка 4 курса, направление подготовки «История»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Ялта

Научный руководитель: Вишневский С. А.

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедра истории краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Ялта

МЕЦЕНАТСТВО СЕМЬИ СКИРМУНТ В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье рассматривается меценатская деятельность семьи Скимунт в Таврической губернии, а также значение и роль Скимундского училища в образовательной жизни крымских эстонцев в конце XIX — начале XX века.

Ключевые слова: Скимунт, меценатство, образование, училище, учителя, колонисты, крымские эстонцы.

Постановка проблемы. Как известно, Крым занимал особое место в истории российской благотворительности. На данный момент, свидетельством этого являются документы, которые хранятся в государственном архиве Республики Крым. В этих документах находится немало ценной информации, связанной с меценатской деятельностью различных семей, прошлого века. В том числе, там есть сведения, и о семье Скимунт, которая прославилась своей благотворительной деятельностью не только на материке, но и на полуострове.

Цель статьи. На основе изучения архивных документов выявить роль и значение меценатской деятельности семьи Скимунт и ее вклад в образование на полуострове.

Изложение основного материала. В документах Государственного архива Республики Крым были выявлены письменные источники, связанные с открытием Скимунтского училища, из них, мы можем увидеть и рассмотреть его историю и роль в жизни эстонской общины.

В письме Инспектора народных училищ Перекопского района господину Директору народных училищ Таврической губернии, от 16 июля 1899 года, было сказано, что в пределах Перекопского уезда нет ни одного министерского двухклассного училища, и принимая во внимание, что в таковом ощущается острая потребность, так как многие из крестьян и поселян не довольствуются курсом начальных народных училищ, было принято прошение, от землевладельцев Скимунт, об учреждении двухклассного министерского училища. Причем, владельцы Скимунт изъявили желание содержать данное училище, на свои средства. Из данного письма, мы также узнаем, что проектируемое училище предполагалось основать в принадлежащей господину Скимунту деревне Акчор, Александровской волости, Перекопского уезда, с тем, чтобы посещать его могли и жители окрестных трех ближайших деревень, расположенных на землях Скимунта. Так как в тех деревнях не было ни одного училища, а детей школьного возраста было более 100 человек.

Данное училище открывалось для детей обоего пола и для всех местных национальностей, включая крымских эстонцев. Под училище уже было выстроено прекрасное здание, обошедшееся в 15 тысяч рублей, план которого был спроектирован задолго до начала строительных работ. Содержание училища землевладельцы взяли на свой счет, ассигнуя ежегодно 1200 рублей, которые будут вноситься за полгода вперед в Симферопольское казначейство в депозит Директора народных училищ.

Про содержателей проектируемого училища было сказано, что они люди очень состоятельные. Причем семья Скирмунт владела 10 тысячами десятин земли, из которых 7 тысяч находилось в Перекопском уезде, а 3 тысячи — в Евпаторийском.

Далее мы видим рассуждение Инспектора народных училищ Перекопского района, где он пишет, что значительное состояние Скирмунтов и готовность их без всякого понуждения, обставить училище во всех отношениях образцово, служит достаточной гарантией того, что платежи от них будут поступать аккуратно. А так как Скирмунты, по словам инспектора, люди вполне образованные, и понимающие пользу образования, для простого народа, значат то, что сделанные ими уже затраты на постройку и обзаведение училища, а также обещанное ежегодно содержание, говорит о том, что данное дело можно считать серьезным, а не легко проходящим увлечением.

Кроме всего вышесказанного, семья Скирмунт обязалась доставлять училищу воду, топливо и прочие бытовые мелочи. Также, они предложили со временем, когда училище уже начнет функционировать, они планировали ввести курс обучения каких-либо профессиональных занятий: занятия по садоводству, шелководству, и непременно, ручной труд. Заботливость господина Скирмунта по отношению к проектируемому училищу простирается до того, что они решили давать детям бесплатно горячий завтрак. Также, хотят построить там баню и зал для выступлений [2, л. 42].

Штат предполагаемого к открытию в имении Скирмунт Екатерины и Елизаветы Константиновых, и Сергея Аполлоновича, в деревне Акчора, Перекопского уезда, Александровской волости, Двухклассного министерского училища, предполагалось собрать за короткое время, что и было сделано. Жалованье заведующему училищем было 450 рублей, второму учителю назначили 400 рублей, законоучителю — 150 рублей. На преподавание пения и гимнастики — 70 рублей. На библиотеку и учебные пособия — 50 рублей. На наем прислуги — 80 рублей. Итого, как мы видим, расходы составляют — 1200 рублей [2, л. 43].

24 июня землевладельцы подали заявление о предоставлении своего имения в качестве училища [2, л. 45].

В следующем письме от 1 июля 1899 года отправленным господином Инспектором народных училищ Перекопского района господину Директору народных училищ Таврической губернии было сказано о некоторых дополнительных документальных формальностях. Так на основании параграфа 7 инструкции Одесского учебного округа для сельских министерских училищ от 4 июня 1875 года указанные в параграфе 6 инструкции обязательства со стороны частных лиц должны быть подкреплены письменными актами, утвержденными или засвидетельствованными в установленном порядке.

В виду этого инспектор народных училищ Перекопского района просит отставного капитана господина Скирмунта принести нужные документы. В частности, по вопросу о совершении надлежащих актов о передаче в ведение Министерства Народного Просвещения выстроенного им под училище здания, одной десятины усадебной земли, а равно о том, в течении какого времени Скирмунт и его доверительницы предполагают отпускать ежегодно на содержание училища по 1200 рублей [2, л. 47].

В своем ответе 27 августа 1899 года, Сергей Аполлонович Скирмунт пишет Алексею Андреевичу, Инспектору народных училищ, Перекопского уезда о том, что он, только вчера, то есть 26 августа возвратился из-за границы, и потому не мог исполнить требуемые инструкцией формальности. Сергей Аполлонович Скирмунт обещает, что на днях он вышлет все нужные акты, причем, в требуемый срок, в течении которого, он берет на себя обязательства уплаты на содержание школы [2, л. 44].

И уже 4 октября 1899 года, от Одесского учебного округа, приходит письмо господину Директору народных училищ, Таврической губернии. В данном сообщении было сказано о том, что Одесским учебным округом дано разрешение открыть сельское двухклассное министерское училище, в деревни Акчора. Указывалось, что ежегодные расходы по содержанию училища, а также по ремонту и страхованию училищного здания берут на себя

С. А. Скимунт и его двоюродные сестры Елизавета и Екатерина Скимунт [2, л. 49].

Из архивных источников, мы, также, достоверно знаем имена тех, кто преподавал в данном училище. Так в письме Инспектора народных училищ, Перекопского района, господину Директору народных училищ, Таврической губернии, от 8 октября 1899 года, было дано два прошения, на должности учителей в Скимунтском училище. Первое прилагаемое прошение принадлежало бывшему учителю Исаевского земского училища, Олонизской губернии, Александру Иванову Сенину. Второе прошение было подано домашней наставницей и бывшей учительницей Свичковского начального училища, Полтавской губернии, Анной Александровной Давыдовой. Далее, Инспектор просит Директора утвердить данные лица. Сенина в должности учителя и заведующего Акчоринским двухклассным министерским училищем, а Давыдову — второй учительницей [2, л. 50].

Также достоверно известно, что 18 марта 1900 года Губернатор Таврической губернии Лазарев утвердил в должности Почетного блюстителя — отставного капитана Сергея Скимунта, при Акчоринском двухклассном министерском училище [2, л. 59].

Можно также отметить, что расходы, в Скимунтском училище, были довольно, весомые и превышали 1200 рублей. Так, из отчета о начальных училищах Перекопского уезда, за 1904 год, мы видим, что на содержание Акчоринского двухклассного министерского училища, постоянно выделялись 1200 рублей от семьи Скимунт. А в 1904 году было принято единовременное пожертвование на сумму 445 рублей. Тем самым, всего за 1904 год, училище получило 1645 рублей. Из этой суммы израсходовано: на личный состав — 1408 рублей, библиотека и учебные пособия — 157 рублей, хозяйственные расходы — 80 рублей [3, л. 261; 4, л. 237].

Также известно, что эстонский писатель Эдуард Вильде, посетивший Крым в 1904 году дает положительную оценку данному учебному заведению. В своей книге он пишет, что школа Скимунти дает возможность молодежи из округа получить лучшее образование. Он также упоминает, что училище учреждено с благотворительной целью наследниками Скимунти, которым после длительного и сложного процесса досталось огромное поместье и миллионный капитал. Дети всех национальностей принимаются в школу бесплатно. Даже обед для детей бесплатный. Маленькая плата — примерно 1 рубля в год — только за учебные принадлежности. Со школой объединен интернат, в котором учащиеся за небольшие деньги — от 3-х до 4-х рублей в месяц — получают полное содержание. Школа имеет пять отделений, и ее курс продолжается пять лет. В ней преподают три учителя, из них две женщины. В ней также обучают и ремеслу. В данное училище ходят ученики всех местных национальностей, среди них и те эстонские дети, которые не желают ограничиваться образованием, полученным в сельской школе [1, л. 33].

Выводы и предложения. Таким образом, мы видим, что семья Скимунт активно занималась благотворительной деятельностью в Таврической губернии, а также способствовала развитию образования и поднятию уровня образованности в среде местной молодежи. Причем, в учрежденном ими училище, учились дети самых различных национальностей и русские, и немцы, и эстонцы.

Литература

1. Вильде, Э. Ю. В гостях у крымских эстонцев. Путевые заметки. Симферополь: Б. и., 2004. — 76 с.
2. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее ГКУ РК ГАРК) ГКУ РК ГАРК Ф. № 100 оп. № 1 д. № 2221 «Инспекция народных училищ Перекопского района 1899 год.» на 225 листах.
3. ГКУ РК ГАРК Ф. № 100 оп. № 1 д. № 2321 «Отчет училищ за 1904 год» на 420 листах.
4. ГКУ РК ГАРК Ф. № 212 оп. № 1 д. № 243 «Отчет училищ за 1904 год» на 422 листах.

УДК: 371.383

Кучмина М. В.

студентка 2 курса, магистерской программы
«История», направления подготовки 46.04.01
«История и культура регионов России»

Научный руководитель: Шендрикова С. П.

доктор ист. наук, профессор кафедры истории,
краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» г. Ялта

ПРОВЕДЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЭКСКУРСИЙ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ И УЧИТЕЛЕЙ ГИМНАЗИЙ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматривается процесс становления экскурсоведческой деятельности в Крыму на примере ученических и естественнонаучных экскурсий. Благодаря педагогической инициативе и активному вовлечению учащихся в процесс естествознания учебная экскурсия становится эффективным инструментом передачи знаний в рамках учебного курса середины XIX — начала XX вв. Таким образом сегодня школьная и студенческая экскурсионная деятельность в Крыму имеет фундаментальную основу.

Ключевые слова: экскурсия, путешествие, Крым, исследование, обучение, познание.

В данной статье дана характеристика общеобразовательных экскурсий для учителей и учеников, которые в свое время пользовались большой популярностью среди крымских образовательных учреждений конца XIX — начала XX вв. Это привело к тому, что такие экскурсии стали неотъемлемой частью учебного процесса. В Научно-популярном и педагогическом журнале «Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал» в 1900 г. была опубликована статья «О значении естествознания для средней школы», в которой педагогом Т. Тимофеевым приводятся аргументы в пользу естествознания: «Мне остаётся ещё упомянуть о том, что право на существование в ряду образовательных предметов средней школы даёт естествознанию ещё и то обстоятельство, что оно идёт на встречу естественной потребности ребёнка знакомиться с окружающей его природой и, таким образом, вполне отвечает одному из важных педагогических принципов, который требует вести дело воспитания детей на почве знания их психологии. Ведь всякий, кому приходилось наблюдать детей, знает как легко бросает ребёнок свои самые дорогие игрушки, когда ему предлагают идти гулять, как весело и привольно чувствует он себя среди окружающей природы, с каким интересом относится к каждому животному, к каждому растению, к каждому камню; и эти игрушки природы он всегда предпочитает самым занимательным игрушкам своей детской. И при этом вопросы «как, зачем и почему» не прекращаясь сыплются на того из взрослых, кто сопровождает его в этой прогулке» [5, с. 35]. Необходимость ввести в учебный процесс естествознание, как самостоятельный предмет, было аргументировано педагогом Т. Тимофеевым с позиции экономической целесообразности: «Особенно важно в этом отношении знакомство учащегося с естествознанием для нас, жителей России, стран, в изобилии наделённых естественными богатствами, которые ждут только рук для их эксплуатации» [5, с. 33]. Инструментом реализации педагогической инициативы и вовлечение учащихся в процесс естествознания послужила учебная экскурсия, как самый доступный и популярный способ передачи знаний в рамках учебного курса.

Наряду с естественно-научным необходимо выделить литературное и историко-патриотическое направления учебных экскурсий по Крыму. В статье «А. С. Пушкин, как поэт природы», педагога А. П. Заборского в журнале «Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал» за 1900 г. подчеркивается большое значение, которое имели для учащихся Пушкинские экскурсии: «Свою любовь к жизни поэт вдохнул в свою поэзию, и в этом, собственно говоря, заключается общее воспитательное значение последней: всякий, кто проникается «живой прелестью» пушкинской поэзии, проникается тем самым и любовью к жизни, этой соединённой любовью — великого человека и великого поэта — художника» [7, с. 37]. Таким образом, в рамках курса русской литературы и знакомства с творчеством А. С. Пушкина, учащиеся могли посетить те места в Крыму, где бывал великий русский поэт: «Не ограничиваясь чувствованием великого поэта в стенах учебного заведения, симферопольское Императора Николая II реальное училище устроило две «Пушкинские» экскурсии — в Бахчисарай и на южный берег Крыма для ознакомления учащихся с теми местами, которые производили на душу поэта сильное впечатление. В экскурсиях участвовал, кроме учеников, и весь педагогический персонал. Руководили юными экскурсантами преподав. рус. яз. и слов. П. Н. Браккенгеймер и естествоведения В. И. Андреев. Доктор училищный К. Н. Дьяконов и начальник заведения состояли неотлучными спутниками» [7, с. 80].

Стоит отметить, что подготовка к такому экскурсионному путешествию была основательной: затраты на проезд, проживание, питание для учащихся реального училища и педагогического состава заранее подсчитывались, разрабатывался экскурсионный маршрут из Симферополя в Бахчисарай. Заранее составлялся сценарий посещения Бахчисарайского дворца, между учащимися распределялись роли: «При входе во дворец один из воспитанников прочёл стихотворение, в котором воспевается гений Пушкина. <...> У воспетого Пушкиным знаменитого «Фонтана слёз» один из учеников очень выразительно прочёл поэму «Бахчисарайский фонтан <...> После чего разбирались местные уголки — со стороны флоры, фауны и топографии...» [7, с. 80]. Таким образом, Пушкинская экскурсия дополнялась естественно-научными наблюдениями учащихся, связанными с ботаникой и географией.

В ходе данной экскурсии все экскурсанты, учащиеся и педагоги, посетили Успенский скит (собор — *авт.*), где приняли участие в торжественной панихиде по Пушкину, а также поднялись на Чуфут-Кале. После основной части экскурсии «К вечеру во дворце был устроен литературно-драматический вечер, посвящённый памяти А. С. Пушкина, исполненный с немалым успехом» [7, с. 81]. Одним из важным составляющих сценария первого дня Пушкинской экскурсии было фотографирование на фоне исторических достопримечательностей Бахчисарайского дворца.

Второй день Пушкинской экскурсии предусматривал посещение Южного берега с целью осмотра Ливадии, Ореанды, Мисхора, Алупки и Фороса. В Ливадии экскурсантов встретил управляющий, который стал для них гидом по территории царского имения, а экскурсоводами были назначены военные и служащие Ливадийского дворца: «В Ливадии, напр., управляющий дворцовым имением генерал-майор Леонид Дмитриевич Евреинов, предоставил в полное распоряжение экскурсантов военных-проводников и садовников для ознакомления с имением и, живо интересуясь впечатлением маленьких «соглядатаев», презентовал «памятку» о Ливадии: лицам прекрасного пола — по роскошному букету» [7, с. 81]. Также в роли экскурсоводов выступали и педагоги, сопровождавшие учащихся. Благодаря этому при осмотре царского имения не терялась тематическая направленность данной экскурсии.

Следующим пунктом на пути экскурсантов была Ореанда и Мисхор. В великокняжеском имении Романовых Ай-Тодор управляющий имением Г. Ф. Лигнау устроил радушный приём «Показал воспитанникам дворец и вообще всё имение с его богатейшими виноградниками и оранжереями, цветниками, г. Лигнау пригласил экскурсантов

отведать «хлеба – соли». <...> Солнце уже катилось к западу, а молодые экскурсанты всё ещё не могли расстаться с гостеприимным «Ай-Тодором» [7, с. 81–82]. В этот же день экскурсанты продолжили свое путешествие: «Осмотрев в этот же день Алупку, экскурсия заночевала в Байдарах. Полюбовавшись с байдарских ворот восходом солнца, экскурсанты спустились в имение гг. Ушаковых «Форос», а затем, пообедав на «воротах» Байдарских, направились через Севастополь домой...» [7, с. 82].

В контексте выше изложенного можно сделать вывод о том, что Пушкинская экскурсия своей познавательной цели достигла. Кругозор учащихся, участвовавших в поездке, был расширен не только в области литературы и поэзии А. С. Пушкина, но также пробудился интерес к таким предметам как география, ботаника, история: «Детям, всюду, при более или менее значительных в жизни чествуемого поэта местах, давались подробные разъяснения. Партенит, Суук-су, гора «Герой», «Пушкинский кипарис», «Пушкинский платан» <...> Неудивительно, поэтому, полное благоговения отношение к молодой «Пушкинской» экскурсии со стороны представителей учреждений и управляющих Императорскими именьями на южном берегу нашей Тавриды» [7, с. 81].

Подобных учебно-познавательных экскурсий по дореволюционному Крыму организовывалось немало. Так, например, историко-патриотические экскурсии устраивались по инициативе администрации земских школ, реальных училищ, а также попечительских советов с привлечением частной инициативы и меценатской помощи. В рамках патриотического воспитания молодежи по инициативе директора училища П. И. Бракенгеймера в 1900 г. было принято решение организовать «Суворовскую» экскурсию для учащихся Симферопольского Императора Николая II реального училища. В случае данной экскурсии учащиеся самостоятельно финансировали это мероприятие. Отчет по итогам проведенной экскурсии был напечатан в «Научно-популярном и педагогическом журнале №8, за 1900 г.: «В виду громадного образовательного значения предполагаемой экскурсии, желательно было сделать её доступной возможно большему числу воспитанников. С этой целью П. И. Бракенгеймер определил размер денежного взноса каждого воспитанника пятью рублями. <...> С целью удешевления продовольственной части, решено было самим готовить себе пищу, для чего были приобретены чугунные эмалированные котлы и несколько жестяных чайников» [2, с. 23].

Путешествие по Крыму всегда было делом затратным, поэтому вопрос экономии денежных средств выступал основным при разработке любого экскурсионного маршрута. Маршрут «Суворовской» экскурсии географически проходил через Бахчисарай, Коккозы, подъем на Ай-Петри, спуск в Ялту, посещение Ливадийского дворца и дорога обратно в Симферополь через Алушту и Кучук-Узень (Малореченское), «Профессорский уголок» (дачи профессоров Умова, Голубева), Туак-Искуть-Капсихор (Морское). Также маршрут проходил через Воронскую и Кутлак-Судакскую долины, Судак, Новый Свет Тоткара-Кишлав (перевал), Карасубазар (Белогорск), Симферополь [2, с. 31].

По сценарию «Суворовской» экскурсии учащиеся и преподаватели сделали остановку на Ай-Петри с целью ознакомления с биографией А. В. Суворова, а также прослушали патриотический рассказ о прославленном полководце от директора реального училища П. И. Бракенгеймера, который выступил в роли гида и экскурсовода. Также остановка на Ай-Петри была приурочена к чествованию императрицы Александры Федоровны в день ее рождения 25 мая (по ст. ст. — *авт.*) 1900 г. По окончании основной части экскурсии учащиеся отправились изучать окрестности с точки зрения географии и ботаники, педагоги провели урок естествознания на природе. Из-за обширной программы путешественники были вынуждены остаться ночевать на Ай-Петри. Зачастую, в таких случаях, экскурсантам приходилось довольствоваться ночевкой под открытым небом. Причиной тому было малое число гостиниц в горном Крыму. А функционирующие не имели достаточного количества номеров для размещения необходимого количества экскурсантов: «На Ай-Петри для путешественников устроена горным клубом гостиница с 3 номерами» [2, с. 27]. Вопрос

размещения экскурсантов «Суворовской» экскурсии на ночлег решился благодаря личной инициативе местного жителя, «зажиточного крымского татарина», который предоставил свой дом в распоряжение экскурсантов.

В момент проведения экскурсионные маршруты могли нередко корректироваться в силу разных объективных и субъективных причин. Так, в «Суворовскую» экскурсию были внесены изменения. Когда учащиеся с педагогическим составом спустились в Ялту, было объявлено свободное время на купание в море: «... вода на 27 мая 1900 г. была комфортной температуры 17 гр. по С» [2, с. 28]. После купания экскурсанты гуляли по Ялте согласно запланированного маршрута: «При посещении городского кладбища с кипарисовой рощицей вокруг церкви, откуда видна вся красавица Ялта, директор, сообщая историю этого города обратил их внимание на то, что Ялта во времена суворовские тоже была обогрета кровью русских: рота наших солдат изменнически была окружена превосходными силами турок; несмотря на это, суворовские солдаты, помня заветы своего полководца, не знавшего слова отступление, предпочли скорее погибнуть, чем сдаться; они заперлись в церкви (эта церковь была расположена ниже настоящей); турки взорвали церковь, и геройски защищавшаяся рота погибла вся до одного человека» [2, с. 28–29]. В данном случае речь о Брянском мушкетерском полке, который в июле 1774 г. отразил атаку турецкого десанта, превосходящего по численности наши силы.

После прогулки по Ялте экскурсанты направились в Ливадию: «Благодаря любезности управляющего Ливадией г.-м. Л. Дм. Евреинова, предоставившего в наше распоряжение проводников, мы имели возможность хорошо её осмотреть. Осмотр начали с так называемого Малого Дворца (бывший дворец Наследника Цесаревича). Внутренний вид дворцовых комнат поразил нас своей простотой и чрезвычайным вместе с тем изяществом. В кабинетах камин и столики, обложенные перламутровой мозаикой, сделаны по образцам ханского дворца в Бахчисарае. В спальне Их Императорских Величеств стоит простое, обтянутое клеёнкой кресло, в котором в Бозе почил 20 октября 1894 г. Царь-Миротворец. Перед креслом, в паркете вырезан крест, а позади кресла теплится неугасаемо лампада» [2, с. 29]. На момент посещения Ливадии Большой дворец не функционировал ввиду строительных работ.

Как и в случае «Пушкинской», по ходу «Суворовской» экскурсии учащиеся не только усваивали материал, посвященный великому полководцу России, но и занимались изучением окружающей природы. Таким образом, патриотическое воспитание молодежи, которое являлось основной целью данной экскурсии, естественным образом дополнялось познанием окружающей флоры и фауны Крыма в рамках естествознания. По результатам каждого дня экскурсии подводились итоги, а по возвращении в Симферополь был сделан анализ экскурсионного маршрута с целью его дальнейшей популяризации.

Наравне с познавательными краеведческими экскурсиями для учащихся крымских учебных заведений организовывались также и экскурсионные поездки для учащихся и педагогов с материковой части Российской империи. Так в 1905 г. московский научно-познавательный журнал «Вестник воспитания» напечатал отчет об экскурсии народных учителей в Крым: «В приложении к одному из докладов московской губернской земской управы очередной сессии губернского собрания 1904 г. напечатан отчет об экскурсии учащихся в Крым, устроенной при содействии русского предводителя дворянства кн. П. Д. Долгорукова, попечителем земской школы и членом общества взаимопомощи учащимся русского уезда г. Комаровским» [8, с. 81].

Экскурсии в Крым с каждым годом набирали популярность среди педагогов и учащихся не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и других городов необъятной России. Зачастую «счастливый билет» доставался не всем желающим. Существовали административные барьеры, как например с этой: «Экскурсия была совершена летом 1904 года продолжалась 40 дней. Желавших принять участие в экскурсии было более 70 человек, но большинство из них не могли осуществить своего желания, так как не было для этого

получено надлежащего разрешения начальства: «соблюдение формальностей педагогического начальства, — говорит составитель отчёта об экскурсии г. Комаровский, — обязывавшего меня извещать его о составе экскурсии и отказывать лицам, нежелательных ему, в значительной мере затрудняли многих» [8, с. 81–82]. Причиной такого «отбора» становилась не только финансовая часть, но и большая популярность полуострова среди желающих его посетить.

В «Экскурсии народных учителей» участвовали педагоги из Владимирской, Тверской, Пензенской, Курской и Калужской губерний. Маршрут экскурсии начинался в Москве, проходил через Бахчисарай и заканчивался на Южном берегу, где планировалось провести основную часть времени путешествия. Обратный маршрут прошел по морю через Одессу и по железной дороге с остановкой в Киеве. Финансовая часть была основной темой для дискуссий во время подготовки к экскурсии. Самыми затратными пунктами были проезд и проживание. Интересно остановиться на описании затрат в отчете данной экскурсии: «Переезд по морю был льготным и обошелся всего по 1 р. 15 к. на человека. От Киева до Москвы экскурсанты ехали также по льготному тарифу — за $\frac{1}{4}$ стоимость билета. Экскурсантам были сделаны и многие другие льготы: им были всюду предоставлены даровые квартиры, бесплатное пользование музыкальными концертами, библиотеками-читальнями, купальнями и проч.; бесплатно они пользовались также пароходом по Днепру и катерами для осмотра Севастополя. В Одессе экскурсанты получали полное содержание за счет города. Благодаря всему этому, а также тому, что обеды местами приготавливались самими экскурсантами (в Ялте такие обеды обходились по 16–18 коп.), экскурсия обошлась не дорого — по 47 рублей на человека. Эти расходы были совершены за счет самих учителей, и только московское уездное земство ассигновало по 40 рублей на каждого из своих учителей (их было 4)» [8, с. 82].

С просьбой о финансовой помощи учителям из других регионов были отправлены ходатайства в их губернские земства, но до губернского собрания они не дошли. Таким образом, автор отчета делает вывод: «Нам кажется, что такого рода ходатайства заслуживают полного внимания, так как опыт описываемой экскурсии показал, что учителя извлекают из подобных поездок не только удовольствие, но и большую пользу. В самом деле, в сравнительно небольшой период времени экскурсанты приобрели очень многое для расширения своего умственного кругозора и даже по своей специальности. <...> они наглядно ознакомились с целым рядом исторических и доисторических памятников, с данными геологии, минералогии, биологии и проч. В некоторых городах экскурсантами были осмотрены музеи, биологическая станция в Севастополе. <...> Наконец, как говорится в отчете, экскурсанты ознакомились с типами школ юга, а именно с церковно-приходскими, мусульманскими, содержимыми на средства населения, и с земскими инородческими, с которыми экскурсантов ознакомили их учителя» [8, с. 83]. Следует сказать, что «Экскурсия народных учителей в Крым» явилась не только общеобразовательной и познавательной, а стала поводом для обмена опытом и знаниями в рамках экскурсионной поездки в Крым. Если говорить об экскурсионных поездках, организованных для учащихся и педагогов с материковой части Российской империи, то в этом случае сложно преувеличить познавательное значение для них экскурсий по Крыму.

Вывод. Резюмируя все выше сказанное, следует в первую очередь отметить, что экскурсионное дело в Крыму зарождалось благодаря научно-исследовательским экспедициям известных отечественных и зарубежных ученых ботаников, географов, историков и т. д. Еще в начале XIX в. такие видные деятели науки, как П.-С. Паллас, П. И. Сумароков, Ф. Дюбуа де Монпере, редерик и другие, путешествуя по полуострову, составляя свои гербарии, карты, справочники, отчеты, сами того не подозревая, прокладывали маршруты будущих научно-познавательных экскурсий в Крыму.

Многовековая история и богатейшая колоритная культура региона и сейчас позволяют оставаться Крыму в центре внимания отечественных и зарубежных любителей

путешествий. Это стало первопричиной организации и проведения еще в XIX–XX вв. учебно-познавательных экскурсий не только для крымчан, но и для гостей полуострова. «Пушкинская», «Суворовская» и многие другие экскурсии ставили перед собой серьезные учебно-воспитательные цели, которые в ходе проведения маршрутов успешно решались. Это красноречиво говорит о значимости и необходимости подобного рода мероприятий и на сегодняшний день. Одной из главных проблем учебно-познавательных экскурсий всегда оставалась финансовая часть, которая в разное время решалась посредством, частных вложений, меценатской помощи, выделения бюджетных средств и т.д. Такой подход на сегодня может явиться беспристрастным примером для власти и средства имущих в свете решения многих задач образования и воспитания подрастающего поколения россиян.

Литература

1. Кузнецов Я. Две экскурсии в Крым с учениками Санкт-Петербургской земской учительской школы / Я. Кузнецов // Известия по народному образованию. — 1910. — С. 199–222.
2. Свищов, Е. Суворовская образовательная экскурсия воспитанников Симферопольского Императора Николая II реального училища / Е. Свищов // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. — 1900. — №8. — С. 23–41.
3. Свищов, Е. Из Бахчисарая в Ялту по горным тропам / Е. Свищов // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. — 1906. — №7. — С. 54–62.
4. Свищов, Е. Летняя экскурсия по Крыму / Е. Свищов // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. — 1908. — №1. — С. 67–80.
5. Тимофеев, Т. О значении естествознания для средней школы / Т. Тимофеев // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. — 1900. — № 1. — С. 29–36.
6. Товарищеская поездка преподавателей естественной истории в Крым // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. — 1901. — №5. — С. 87–89.
7. Хроника. Пушкинская экскурсия. // Естествознание и география. Научно-популярный и педагогический журнал. — 1900. — №5. — С. 80–82.
8. Экскурсия народных учителей в Крым // Вестник воспитания. — 1905. — №5. — С. 81–83.
9. Экскурсии, прогулки, встречи, кружки подписчиков и читателей «Вестник знания» // Неделя «Вестника знания». — Симферополь, 1913. — №23. — С. 382.

УДК: 640.41(091)

Романенко Ж. С.

студентки 4 курса, направления подготовки «История»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского»
г. Ялта

Научный руководитель: Шендрикова С. П.

доктор ист. наук, профессор
кафедра истории, краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В. И. Вернадского»
г. Ялта

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА (2-Я ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

В статье рассматривается становление и развитие гостиничного хозяйства на Южном берегу Крыма на примере Ялты и Алупки с момента появления первых гостиниц до начала XX в.

Ключевые слова: Южный берег Крыма, гостиница, гостиничное хозяйство, Ялта, Алупка, ценовая политика.

Постановка проблемы. Главным толчком в развитии гостиничного хозяйства и инфраструктуры Крыма в целом стало присоединение полуострова к России в 1783 г. Данное событие свершилось под патронатом Екатерины II, первой среди российских монархов посетившей полуостров. Центральную роль в популяризации Крымского курорта следует отвести императорской семье, которая, начиная Екатериной II и заканчивая Николаем II, популяризовала данный край своим интересом и частыми визитами на полуостров. Приобретение имений и земельных участков, благоустройство территории, проведение увеселительных мероприятий под покровительством царского дома, способствовало привлечению широких масс населения и существенно оживляло курортную жизнь, а также нашло свое отражение в развитии гостиничного хозяйства.

Цель статьи. На основании источников и архивных данных рассмотреть становление и развитие гостиничного хозяйства на Южном берегу Крыма (далее — ЮБК) во 2-й половине XIX — начале XX в.

Изложение основного материала. В 20-е гг. XIX в. отдых в Крыму стал популярен среди российской знати и зажиточного населения империи. Вместе с тем, приток отдыхающих выявил проблему недостатка мест для размещения. В следствии этого возникла потребность в строительстве не только богатых резиденций и дач для состоятельного населения, но и множества гостиниц, отелей, пансионатов и санаториев [5, с. 25].

Анализ становления и развития гостиничного дела ЮБК в череде других населенных пунктов уже с XIX в. справедливо отдает «пальму первенства» Ялте. Тем не менее, возвращаясь к истокам становления курорта, следует отметить, что в начале XIX в. Ялта представляла собой небольшую рыбацкую деревню общей площадью в шесть десятин. Статус города она получила лишь в 1838 г. и состояла на тот момент из одной улицы — Елизаветинской (ныне — Игнатенко), с 30 дворами и 224 жителями [4, с. 202–205]. Несмотря на такие серьезные внутригородские проблемы, как отсутствие дорог, водопровода, канализации, учебных заведений, уже к середине XIX в. путешественники упоминали Ялту «... Как простое местопребывание всех знаменитостей, населяющих летом полуденный берег» [6, с. 31]. Настоящую популярность в качестве курорта город приобрел в начале

60-х гг. XIX в., после первого посещения Крыма императором Александром II: «Теперь Ялта хорошеет не по дням, а по часам» [7, с. 50].

Развитие инфраструктуры города и строительство транспортных путей стало предпосылкой возникновения первой гостиницы, располагавшейся между прибрежной дорогой и Елизаветинской улицей. Здание гостиницы «La citta di Odessa» внешне являлось довольно непримечательным сооружением, принадлежавшим графу Воронцову, содержал гостиницу итальянский оперный бас сеньор Бартолуччи [8, с. 4]. В записях о путешествии по Крыму В. В. Измайлов так отзывался о ней: «Она высока <...> расположена со вкусом, снабжена всеми удобствами необходимыми, для приезжающих» [6, с. 32].

Кроме этого одним из сильнейших толчков в развитии гостиничного дела послужило приобретение Ливадийского имения царской семьей в 1861 г. В этот период лучшая гостиница принадлежала первому городскому голове С. П. Галахову, в ней часто останавливались члены императорской фамилии и высшие сановники. Вторая по значимости гостиница принадлежала ялтинскому купцу А. Собесу. В период с 1830-х гг. XX в. по 1889 г. гостиница несколько раз меняла названия на «Ялта», «Ялтинская» и «Крымская». В 1889 г. здание приобрела жена ялтинского купца С. П. Бухштаб, переименовав ее в «Центральную». Перестройка гостиницы позволила увеличить количество номеров до 60 и улучшить их интерьер [9, с. 9].

В конце 1860-х гг. гостиницу С. П. Галахова, располагавшуюся по адресу ул. Бульварная, 12, приобрело Удельное ведомство, которое в последствии перестроило деревянное здание по проекту К. И. Эшлимана. Следующий ее хозяин — купец Е. О. Майтоп перестроил здание в четырехэтажный каменный дом с балконами к 1900 г. С 1901 г. гостиница стала функционировать под названием «Таврида», включала в себя 42 номера, цена которых колебалась в зависимости от сезона — осенью от 1 до 8 руб., зимой от 80 коп. до 4 руб. в сутки. С 1905 г. у здания появился новый владелец — Д. А. Южефович, который переименовал на «Бристоль». После Великой Отечественной войны гостиницы «Таврида» и «Центральная» подверглись объединению в единую под названием «Южная». С 2002 г. гостинице вернули историческое название «Бристоль», которое она носит по сей день [9, с. 9].

Развитие Ялты в качестве центра курортной жизни Крыма способствовало активному увеличению количества гостиниц в городе. В 1873 г. В. Х. Кондараки писал о наличии в Ялте трех гостиниц — «Hotel de la Cote», «Ялтинская» и «Крымская», отмечая их главный недостаток — шум. Однако, как указывает автор, владельцы различными способами благоустраивали быт посетителей: «... Содержатели, желают угодить во всех отношениях квартирантам» [10, с. 222]. Ситуация в корне изменилась к началу XIX в., тогда основная масса путешественников отмечала переход на европейский уровень обслуживания в связи с обновлением ведения гостиничного дела. В этом ключе Г. Москвич в своем путеводителе за 1913 г. сообщал о наличии четырнадцати гостиниц в городе с общим количеством номеров в 800 единиц [11, с. 176].

Четвертой гостиницей Ялты, открывшейся в июне 1874 г. и располагающейся первой по дороге из Симферополя, стала «Эдинбург». Несколько раз гостиница претерпевала изменения в названии в следствие перемены хозяев: 1882 г. — «Кавказ», 1897 г. — «Гранд-Отель», 1955 г. — «Приморская». Помимо всевозможных услуг, она имела телефонный номер №78 с круглосуточным доступом для гостей. Несмотря на частую смену владельцев, регулярные перестройки и ремонты, гостиница пользовалась популярностью и имела хорошую репутацию среди постояльцев [12, с. 14]. В 1979 г. здание подверглось сносу, так как активизировались оползневые процессы. На сегодняшний день на месте, где располагалась гостиница, возведены жилые апартаменты «Эдинбург-Тауэр».

Изучив источниковую базу, представленную путеводителями и справочными книгами, следует сказать о выделении ряда авторами ялтинской гостиницы «Россия», которая удостоилась только положительных отзывов с подробными комментариями. Строительством

гостиницы в свое время занимался К. И. Эшлиман. Обошлось оно в 1 млн. руб. Располагалась она: «... В центре набережной сосредоточена наиболее обширная гостиница» [13, с. 43] Открытие гостиницы, совершившей настоящий прорыв в гостиничном деле Ялты, состоялось 19 декабря 1875 г. Ее справедливо считали «истинно европейской», «лучшей в городе» [11, с. 42], так как в ней было оборудовано газовое освещение, собственный водопровод, внутреннее убранство выделялось роскошной отделкой и различными удобствами: «... Замечательна своей обширностью и прекрасным устройством» [7, с. 80]. Здание в три этажа, с множеством комнат с балконами и видом на море, включало в свой состав столовую, ресторан, читальную, бильярдную, прачечную, ванные комнаты, концертный и танцевальный залы, террасы с видом на море [13, с. 98–98]. Весьма удачным являлось месторасположение гостиницы. Помимо близости моря, она, с одной стороны была окружена густым парком графа Мордвинова, отделяющим ее от старого пыльного города и шумного базара, с другой — сквером, ограждающим от оживленной набережной. В. М. Сидоров так писал о гостинице: «... Своего рода дворец, окруженный садиком чудных южных растений на набережной моря» [7, с. 137–138].

Не менее интересной приходится история гостиницы «Ореанда», построенной в новейшей части города за Ливадийским мостом по проекту архитектора А. Н. Бекетова. Владелец гостиницы «Джалита» А. Н. Витмер в 80-е гг. XIX в. приобрел земельный участок, на котором 13 июля 1907 г. открылась гостиница «Ореанда». Большинство путеводителей отмечали роскошную обстановку номеров, богатую мебель, электрическое освещение, наличие телефона, достойное санитарное состояние, а также плоскую крышу, откуда открывался прекрасный вид на море и окрестности [14, с. 17–31].

Помимо удобного интерьера и комфортных условий, гостиница имела при себе столовую, ресторан, почтовое здание, парикмахерскую, купальни, ванное заведение «Саглык-Су». В 1910 г. в саду «Ореанды» был открыт «Театр Новостей», который за короткие сроки завоевал симпатию публики, что положительно отразилось на развитии самой гостиницы. О повышенном внимании к «Ореанде» также свидетельствует факт увеличения количества номеров с 24 в год открытия до 75 в 1910-е гг. [14, с. 34–37].

Сравнительный анализ средней суточной стоимости номеров ялтинских гостиниц начала XX в. представлен в табл. 1. При составлении таблицы использовались данные ГАРК [3, л. 1–36], материалы путеводителя Г. Москвича [11, с. 177–178] и Е. Еленина [13, с. 53–56]. В данном ключе, анализируя ценовую политику ялтинских гостиниц, следует указать на факторы, от которых зависела стоимость номеров: близость к морю, престиж и популярность среди гостей курорта, уровень удобств, качество обслуживания, наличие при гостинице столовых, ресторанов, ванных комнат, собственных купален, а также развлекательных программ.

Таблица 1

Средняя суточная стоимость номера в гостиницах Ялты на 1913 г.

Название гостиницы	Количество номеров	Цена, руб.
«Венеция»	28	1,25
«Эдинбург» («Гранд-Отель»)	45	1
«Джалита»	140	1,50–15
«Европейская» («Лондон»)	40	1,50
«Крымская» («Венеция»)	25	0,50 –
«Мариино»	72	3–8
«Морская»	12	1,50
«Московская» («Москва»)	45	1–5
«Ореанда»	80	2
«Россия»	150	1,50–30
«Таврида» («Бристоль»)	40	1

«Франция»	40	0,75–7
«Ялтинская» («Центральная»)	45	1,50
«Южная»	—	1–2
«Вилла «Елена»	—	1,50–10
Отель «Метрополь» («Парижская коммуна», «Украина»)	40	2,50–8,50
Отель «Санкт-Петербург» («Ленинградская»)	54	2,20
Отель «Ялта»	40	0,75–1,50

Пик популярности ялтинского курорта приходился на последнюю четверть XIX в. Это объясняется наличием внушительного массива материалов по данной тематике. Однако, малоизвестным широкому кругу исследователей является тот факт, что в середине XIX в. отдых на ЮБК отождествлялся с Алушкой, которая до Крымской войны и в течение двадцати лет после нее являлась центром курортной жизни ЮБК. Славу Алушке принесла деятельность графа М. С. Воронцова, активно способствовавшего развитию социальной, культурной и светской жизни курорта. Основная проблема Алушки заключалась в том, что ей по разным причинам долгое время не присваивался статус города (получила в 1938 г.). В следствие этого имело место естественное торможение процессов развития курортной жизни. После смерти князя С. М. Воронцова в 1882 г. развитие курорта приостановилось вплоть до 1904 г., этот период характерен сдачей земельных участков и имений для дачной застройки или аренды на длительное время [1, л. 1–4; 2, л. 7–10].

Первая гостиница Алушки в воспоминаниях путешественников получала в основном негативные отзывы: «... Очень бедная и скверная, хотя кухня и сносная» [11, с. 53]. Она состояла из маловместительных и неудобных номеров. Наличие одной гостиницы в 1870-е гг. для достаточно развитого курорта объясняется тем, что отдыхающие в основном останавливались на частных виллах, дачах и в меблированных комнатах. Менее зажиточные гости курорта селились в татарских домах, лишенных необходимых удобств и санитарных условий [67, с. 28–30].

К 1894 г. в Алушке функционировало две гостиницы: первая, владельцем которой являлся мещанин А. Долгов. Стоимость номеров колебалась от 1 руб. 50 коп. в сутки до 35 руб. в месяц. Вторая гостиница «Москва» принадлежала А. П. Погодиной [4, с. 371]. В 1913 г. путеводители упоминают еще две гостиницы: «Россия»: «... Лучшая и более дешевая, обстановка приличная и чисто», количество номеров 50 и стоимостью от 2 руб. в сутки и «Франция» на 25 номеров, которая несмотря на цены как в «России», 2 руб. в сутки, получала отрицательные отзывы: «... Номера плохи и грязны» [15, с. 29–32].

Таким образом, к 1917 г. в Алушке функционировало четыре гостиницы со средней стоимостью номеров в сутки 2 руб. Спрос на отдых в Алушке побудил процессы активной застройки местности множеством дач, вилл и пансионатов, которых ко времени начала Первой мировой войны насчитывалось до 150 [15, с. 109–114]. Несмотря на присутствующие неудобства, недостаток развлекательных мероприятий и мест для культурного отдыха, а также высокие цены, Алушка продолжала привлекать широкие массы отдыхающих. Связано это с тем, что гости курорта получали возможность уединения и спокойствия провинциальной жизни, чистый воздух и незагрязненное море, благоприятное местоположение, защищенное от холодных ветров и, конечно, неповторимые горные пейзажи.

Выводы и предложения. Рассмотрев историю становления гостиничного дела на ЮБК на примере наиболее известных и посещаемых курортов таких как Ялта и Алушка, следует сказать о достаточно высоком уровне развития гостиничной отрасли здесь к концу XIX — началу XX вв. При исследовании истории становления гостиничного дела на ЮБК в XIX —

начале XX в. нами выявлены основные факторы, спровоцировавшие развитие гостиничной отрасли южнобережного региона полуострова. Среди них, в первую очередь, следует назвать дорожно-транспортное и коммуникационное обеспечение объектов гостиничного хозяйства. Удобство и комфорт перемещения туристов и теперь играет главную роль в выборе места отдыха. Соотношение качества и уровня обслуживания, ценовая политика и методы ее формирования выступают второй главной мотивацией со стороны путешественников в вопросах выбора жилья на период отдыха. Стоимость предоставляемого жилья складывается из нескольких составляющих. Здесь доминирующую роль играет место расположения гостиницы. Окружающие местные пейзажи, близость зон отдыха, свежий воздух, наличие транспортных развязок и т. д. Таким образом, следует заметить, что месторасположение гостиничных объектов на ЮБК в рассматриваемый хронологический период сыграло третью ключевую роль в вопросах становления и развития гостиничного дела. В границах всей империи курортное дело Крыма, и в частности на ЮБК, стало основополагающим звеном развития внутреннего туризма и положило начало традиции целенаправленного посещения курорта для отдыха и оздоровления.

Литература

1. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (далее ГКУ РК ГАРК) ГКУ РК ГАРК Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-4.
2. ГКУ РК ГАРК Ф. 196. Оп. 1. Д. 57. Л. 7-10.
3. ГКУ РК ГАРК Ф. 249. Оп. 1. Д. 295. Л. 1-36.
4. Безчинский, А. Я. Путеводитель по Крыму / А. Я. Безчинский. — М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К⁰, 1901 — 491 с.
5. Неручев, М. В. Земельный вопрос / М. В. Неручев. — Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1906. — 40 с.
6. Измайлов, В. В. Путешествие в полуденную Россию. Путешествие по южной области России / В. В. Измайлов. — М.: Университетская типография, 1805. — 440 с.
7. Сосногорова, М. А. Путеводитель по Крыму / М. А. Сосногорова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Одеса: Типография Л. Нитче, 1880. — 370 с.
8. Лысова, Л. Весною в Крыму / Л. Лысова // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта». — 2014. — № 11-13. — С. 2-5.
9. Лысова, Л. Отель «Бристоль» — на перекрестке времен / Л. Лысова // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта». — 2013. — № 3. — С. 8-9.
10. Кондараки, В. Х. Универсальное описание Крыма: в 3 т. Ч. 1 / В. Х. Кондараки. — Николаев: типография В. М. Краевского, 1873. — 249 с.
11. Москвич, Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму / Г. Г. Москвич. — 25-е изд., перераб. и доп. — СПб.: «Путеводителей», 1913. — 312 с.
12. Лысова, Л. Гостиница «Эдинбург» — «Первая по пути из Симферополя» / Л. Лысова // Историко-краеведческий альманах «Старая Ялта». — 2013. — № 6. — С. 13-15.
13. Еленин, Е. Ялта и окрестности / Е. Еленин. — Ялта: Типография Н. В. Вахтина, 1901. — 160 с.
14. Иванова, Л. М. Гостиница «Ореанда» / Л. М. Иванова, Л. Ю. Меньшикова, Л. В. Муращенко, Л. И. Цыганник; под. общ. ред. С. Н. Солодовникова — Симферополь: Издательский дом «ЧерноморПРЕСС», 2007. — 180 с.
15. Окс, А. Б. Южный берег Крыма: справочная книжка для туристов, сост. и изд. Ал. Окс. — СПб.: «Луч», 1912. — 176 с.

УДК: 069.51:904

Тимошенко Ю. В.

студентка 4 курса, направление подготовки «История»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
г. Ялта

Научный руководитель: Новиченкова Н. Г.

к. ист. н., доцент
кафедра истории, краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
г. Ялта

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ РИМСКОГО ИМПОРТА В ЯЛТИНСКОМ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

В статье рассматриваются предметы, обнаруженные при раскопках и формирующие коллекцию римских импортных изделий в Ялтинском историко-литературном музее, дается описание предметов, раскрывается их значение в экспозиционной деятельности музея.

Ключевые слова: римский импорт, раннеримский период, археологические находки, варварские святилища, музейная коллекция, экспозиция.

Постановка проблемы. Отсутствие комплексного изучения римских импортных изделий и их распределения на территории Крыма в значительной степени затрудняет представление о путях распространения и сосредоточения данных находок в музеях полуострова. Исходя из данной проблемы, следует изучить археологические памятники, в которых выявлены предметы римского импорта, установить пути поступления изделий в музеи Крыма, в частности, в Ялтинский историко-литературный музей.

Цель статьи. Охарактеризовать коллекцию римских импортных изделий в Ялтинском историко-литературном музее, на ее основе определить возможности использования культурного наследия римлян в экспозиционной работе крымских музеев.

Изложение основного материала. В городе Ялта хранителем археологических коллекций, в том числе предметов римского импорта, является Ялтинский историко-литературный музей, основанный 8 октября 1892 г. как естественно-исторический при Ялтинском отделении Крымского горного клуба по инициативе врача-климатолога В. Н. Дмитриева и других видных граждан города. В фондах собрано более 160 тыс. экспонатов, среди которых много редких и уникальных. Археологическая коллекция насчитывает более 30 тыс. предметов музейного значения [3, с. 223–224].

Коллекция римских импортных вещей в музее представлена материалами из раскопок таких святилищ, как Гурзуфское Седло, Эклизи-Бурун и римской крепости Харакс.

Римские предметы, найденные в святилище на Гурзуфском Седле вместе с боспорскими монетами, свидетельствуют об усилении римского военного и политического влияния в Крыму, и о торговых отношениях населения Горного Крыма с Боспором [2, с. 60].

Поступление предметов в святилище, в первую очередь, связано с военными действиями, а не торговыми контактами. В качестве пожертвований в святилище использовались трофеи (статуэтки, оружие, предметы культа), в обрядах, которыми, как считает исследователь памятника Н. Г. Новиченкова, руководила варварская элита. У римлян принято было дарить вождям варварских племен дорогие подарки (сервисы, ювелирные украшения). И в Северном Причерноморье известно о распространившейся практике

пожалования дипломатических даров варварской знати (сарматам, меотам). В погребальном составе богатых погребений присутствовала серебряная, бронзовая и стеклянная посуда, различные украшения. С конца I в. до н.э. (правления Динамии) выплачивались римские денежные субсидии Боспору для замирения варварского окружения. Не исключено, что большинство римских предметов поступило в святилище как военная добыча, полученная во время проведения римских военных акций в Таврике в эпоху Юлия Цезаря, а также во время правления Августа и Клавдия [4, с. 44–47].

С 1983 по 1993 гг. систематические раскопки у перевала Гурзуфское Седло проводились археологической экспедицией Ялтинского историко-литературного музея, где сейчас хранятся находки из раскопок святилища. Некоторые из них представлены в экспозиции «Страницы истории Ялты» — в залах «Археология» и «Золотая кладовая». В музее демонстрируются наиболее ценные экспонаты из раскопок святилища. В витринах представлены античные находки IV–I вв. до н.э., обнаруженные в слое, состоящем из непережженных костей жертвенных животных. Большинство обнаруженных на Гурзуфском Седле монет II в. до н.э. — II в. н.э. отличается удивительной сохранностью и красотой.

С рубежа II–I вв. до н.э. племена Горного Крыма были вовлечены в драматические события, участвуя на стороне Митридата Евпатора в войнах против римлян в Малой Азии. В одной из витрин музея находятся предметы, которые были, по всей видимости, пожертвованы в святилище воинами, возвратившимися домой: часть серебряного ножного браслета, серебряная оковка ножен кинжала, серебряный алабастр (сосуд, который использовался для благовонных масел). Все три предмета украшены гравированным орнаментом [4, с. 52–55].

Сокровища, обнаруженные при проведении археологических исследований в Горном и Южнобережном Крыму, обогатили коллекцию Ялтинского историко-литературного музея. Многие из них не имеют аналогов в музейных собраниях мира. К разряду раритетов относятся серебряные и бронзовые статуэтки, ряд уникальных монет из святилища у перевала Гурзуфское Седло.

Наиболее ценную часть коллекции составляют античные серебряные и бронзовые статуэтки — двадцать уцелевших, а также фрагменты разбитых при совершении жертвенных обрядов фигурок. Большая их часть — шедевры античной металлопластики. Статуэтки были обнаружены в ритуальном комплексе, сооруженном в 20-х гг. I в. до н.э., когда святилище на Гурзуфском Седле переживало расцвет. В это время святилище было важным общественным и религиозным центром для населения Горного Крыма. В нем появляется пантеон, близкий греко-римскому, распространяются обряды сожжения. Тысячи вотивов — пожертвованные божествам предметы, — относятся к этому времени. Часть вещей из раскопок ритуального комплекса, имевшего уникальную сохранность, представлена в экспозиции [5, с. 133–136].

К римскому пантеону относят богиню Фортуны — удачи и судьбы. Такая статуэтка из серебра с позолотой была обнаружена в святилище. Голова статуэтки обнаружена при раскопках на большом расстоянии от ее туловища, что свидетельствует о преднамеренной ее поломке. В правой опущенной руке Тюхе-Фортуны, видимо, находился руль корабля — тем самым богиня как бы управляла человеческой судьбой [5, с. 138].

В одной из витрин представлены предметы почти исключительно римского импорта. Разнообразны римские монеты: республиканские денарии, в том числе серебряные кистофоры Октавиана Августа, кистофоры знаменитого полководца Марка Антония, денарии и ауреусы императоров Тиберия, Клавдия, Нерона, Веспасиана, Тита. Это самая большая коллекция ранних римских монет, обнаруженных на территории Крыма и Восточной Европы.

Экспонируется дорогая серебряная посуда, стили — предметы для письма, височные кольца, серьги, перстни, фибулы, подвески, амулеты. Представляет интерес кольцо с изображением змей, держащих в разинутой пасти ларец. Аналогичное по изображениям найдено в Помпеях и хранится в Британском музее [4, с. 64–67].

Интересны антропоморфные, зооморфные, пластинчатые амулеты-подвески, фибулы. Одна из шарнирных фибул в виде дельфина впервые обнаружена в Крыму. Фибулы типа Алезия от римского военного костюма относятся к редким находкам на территории Восточной Европы.

Стекло до рубежа нашей эры ценилось чрезвычайно высоко, наравне с драгоценными камнями, так как техника его изготовления была сложной и дорогостоящей. Из ста шестидесяти обнаруженных в святилище форм сосудов из стекла экспонируются фрагменты двух ребристых желто-коричневых чаш, кубка из полупрозрачного светло-зеленого стекла [3, с. 225–226].

Примечательны украшения: вставка из сапфирина, фибула-брошь с камеей из стекла — редчайшая для Крыма находка, подвески, отдельные бусины. Две стеклянных уплощенных позолоченных бусин-пронизей украшены изображениями женской и мужской фигуры.

Находка этих сокровищ подтверждает, что у населения Горного Крыма были сложные и разнообразные контакты с римлянами, отразившиеся на его истории и духовной культуре.

К раннеримскому периоду относится еще одно святилище в горах Южного Крыма — Эклизи-Бурун. Памятник был обнаружен в 1997 г. Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедиции во главе с А. В. Лысенко. Исследования и сборы подъемного материала осуществлялись в 2000–2006 гг.

Особенностью этого святилища, как и святилища на Гурзуфском Седле, является присутствие вещей римского производства. Предметы вооружения исследователи рассматривают как трофеи, захваченные варварами у римских военнослужащих, а затем использованные как вотивы [4, с. 112–114].

Находки из раскопок на Эклизи-Бурун представлены различными типами посуды: краснолаковой, гончарной, стеклянной, металлической. Разнообразны орудия труда и предметы промыслов: ножи, медицинские инструменты, письменные принадлежности, рыболовные снасти. Обнаружены детали римского военного костюма, фибулы, а также предметы вооружения: наконечники стрел, копий, меч, фрагменты кольчуги. В целом, большинство артефактов обычно для синхронных памятников Крыма, но выделяется группа римских и провинциально-римских импортных изделий. Наиболее многочисленные категории находок — обломки стеклянных сосудов, бусы, фибулы.

Культовые предметы разделены на три группы. Первая из них представлена апотропеями римского времени, распространенными в Крыму (антропоморфный амулет, кольцо с шишечками, металлические колокольчики). Ко второй группе принадлежат специализированные вотивные предметы: фрагмент плоской терракоты и свинцовая литая фигурка в виде животного.

Третью группу формируют изделия с изображениями божеств. Найден фрагментированный рельеф из серебряной фольги с изображением всадника [3, с. 227–228].

Римская крепость Харакс является важным археологическим свидетельством деятельности римлян в Крыму. Регулярные раскопки Харакса были организованы Великим князем А. М. Романовым в 1896 г. В 1907 г. им был открыт музей археологических находок. Предметы из раскопок А. М. Романова в конце Гражданской войны были национализированы и поступили в Ялтинский музей.

В экспозиции зала «Археология» в одной из витрин демонстрируются найденные на Хараксе в разные годы мраморные вотивные рельефы, светильник, фрагмент терракоты, фрагменты черепиц с клеймами вексияции Равеннской эскадры и XI Клавдиева легиона, детали римского военного костюма, каменные ядра для баллисты, лутерий, медицинские инструменты, коромысло для весов. Помимо этого, в музее в коллекции античной керамики представлены глиняные светильники из собрания Великого князя Александра Михайловича. Коллекция светильников представлена 103 предметами. Среди светильников особый интерес представляет фигурный двухрожковый II в. н.э., в виде ступней ног, обутой в сандалии. Он имеет ручку в виде листка плюща, в центре которого помещена маска Диониса. Светильник

имеет следы реставрации начала XX в. Центром производства является одна из восточных провинций Римской империи [1, с. 368–372].

Выводы и предложения. История исследований археологических памятников Крыма позволяет ознакомиться с предметами римского импорта, которые хранятся и экспонируются в Ялтинском историко-литературном музее. Полученные данные позволяют обогатить знания о культурном наследии древних римлян, сохранившемся на территории Крыма. Практическое значение исследовательских результатов заключается в использовании подлинных предметов в экспозиции Ялтинского историко-литературного музея для создания яркого и запоминающегося образа у посетителей. Культурное наследие римлян выражается в уникальных предметах, которые передают основные особенности материальной и духовной культуры присущей данному народу.

Литература

1. Журавлев, Д. В. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея / Д. В. Журавлев, Н. П. Турова // Боспорские исследования. — 2012. — XXVI. — С. 335–400.
2. Зубарь, В. М. Культ римских императоров в Северном Причерноморье / В. М. Зубарь // Российская археология. — 1995. — № 1. — С. 57–63.
3. Новиченкова, Н. Г. Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея / Н. Г. Новиченкова // Вестник древней истории. — 1993. — № 1. — С. 222–228.
4. Новиченкова, Н. Г. Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло / Н. Г. Новиченкова. — Симферополь: Н. Орианда, 2015. — 216 с.
5. Трейстер, М. Ю. К находке бронзовых и серебряных статуэток в святилище у перевала Гурзуфское Седло / М. Ю. Трейстер // Вестник древней истории. — 1998. — № 2. — С. 131–140.

УДК: 908: 291.4 "00/02"

Товстуляк В. В.

студентка 4 курса, направление подготовки «История»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
г. Ялта

Научный руководитель: Новиченкова Н. Г.

к. ист. н., доцент
кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
г. Ялта

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ КУЛЬТОВ ВЕРХОВНЫХ БОЖЕСТВ ОЛЬВИИ В I–III ВЕКАХ Н.Э.

В статье рассматриваются изменения в государственном пантеоне Ольвии, связанные с внешним влиянием, в первую очередь Римской империи.

Ключевые слова: *Ольвия, религиозное мировоззрение, послегетский период, государственный пантеон.*

Постановка проблемы. В первые века н. э. Ольвия оказалась в сложной политической обстановке, которая привела к смене политической ориентации государства и, как следствие, к новому религиозному мировоззрению населения Ольвии.

Цель статьи. На основе изученного материала рассмотреть формирование новых культов верховных божеств в государственном пантеоне Ольвии в первых веках н. э.

Изложение основного материала. Религия ольвиополитов была неотъемлемым компонентом духовной культуры государства на протяжении всей тысячелетней истории существования города. В Ольвии божества не создавались и не возникали, представления о них были привезены сюда переселенцами, которые развивали греческие традиции на северопонтийской земле [3, с. 230–233]. В первые века н. э. происходят существенные изменения в количественном составе государственного пантеона, сюда начинают проникать культы негреческого происхождения, связано это, прежде всего с политическими событиями, которые происходили в северопонтийских государствах. После падения державы Митридада VI Евпатора, Ольвия попадает под сильное влияние римской политики, что постепенно приводит к увеличению ее зависимости от Рима, в результате происходит медленное вытеснение старинных культов и традиций. Начинают развиваться и умножаться многие существовавшие ранее культы, появляются новые божества.

Резко меняется количественный состав государственных культов в послегетский период, что объясняется, социально-политическими и экономическими последствиями гетского разгрома Ольвии в середине I в. до н.э. (уменьшение населения и территории полиса и др.), и, как следствие, резким изменением мировоззрения ольвиополитов [1, с. 20].

Изменились культы верховных божеств. Происходит перестановка божеств, с введением для них уникальных эпиклез на государственном уровне [1, с. 20]. С самого основания полиса в VI в. до н. э. и до его гибели в IV в. н. э. государственный пантеон Ольвии возглавляли три бога — Аполлон, Ахилл и Зевс, функции которых усилились в первые века н.э. [3, с. 82]. Теперь они выступают в роли верховных покровителей и доминируют в пантеоне. Всем им даются новые культовые имена, и в связи с этим в городе складываются совсем новые обычаи и обряды. Сложная ситуация, которая обострилась в городе после появления в нем разноэтничных варваров, привела к тому, что впервые за всю

историю Ольвии во II в. н.э. культы верховных божеств берутся под защиту государственных коллегий магистров и жрецов с целью сохранить главные из них и возвеличить их среди культов остальных богов.

Култ Ахилла значительно возрастает, он становится верховным божеством Ольвии, что было впервые в истории полиса, и занимает первое место взамен Аполлона Дельфиния. Ахилл Понтарх (Владыка Понта) — такой эпитет теперь носит верховный бог. Героический характер культа Ахилла, учреждение эпиклезы Понтарха во II в. н.э. было связано с политикой Ольвийского государства [3, с. 109]. Подтверждением этому является и тот факт, что в послегетский период впервые появляются изображения Ахилла в образе воина с копьем, теперь его функции стали намного шире, чем у других божеств. Как отмечает В. В. Крапивина, Ахилл имел во II в. н.э. столько функций, что он мог бы заменить все существующие божества в это время [2, с. 139–142]. Это подтверждается и тем, что в первые века н.э., по данным найденных посвячительных надписей ольвийских должностных лиц, самым распространенным теофорным именем в Ольвии является антропоним Ахилл [5, с. 61].

Одновременно одно из главенствующих мест в пантеоне Ольвии в римский период занимал Аполлон. С самого начала существования полиса Аполлон был одним из самых почитаемых божеств в Ольвии, где он по своему идеологическому значению был значительно выше верховного бога Зевса. [3, с. 92]. В первые века н.э. ольвиополиты присвоили ему новое имя — Простат (Защитник), но все же характерные черты, которые были присущи ему в догетский период, сохранялись, это доказывают многочисленные посвячительные надписи. Аполлон Простат в первые века н.э. выступал в роли бога-миротворца и защитника, врачевателя и спасителя, попечителя и благодетеля, а также того, кто способен заранее отвести войну и беду. Теперь он является официальным покровителем коллегии стратегов, — Аполлон занимает второе после Ахилла место в пантеоне, в то время как ему было свойственно находиться на первом месте в догетский период [5, с. 62]. Интересен тот факт, что теперь Аполлон изображается на монетах не с четко выраженными чертами лица, а нередко схематическими изображениями. Как утверждают ученые, это скорее всего указывает на изменения в понимании сакральной сущности бога, что и определяет его на второе место [2, с. 142].

Зевс тоже получил новое имя — Ольвий, Полиарх, которое значительно расширило его функции как защитника города и его жителей, и занял третье место, в то время как ему было свойственно в догетский период следовать вторым. В отличие от Аполлона и Ахилла, которые были защитниками главных государственных коллегий, найдены только личные посвящения Зевсу Сотеру, в которых тоже идет речь о спасении города [2, с. 139–140]. Об официальном характере культа Зевса свидетельствуют и его изображения на монетах первых веков н.э. [5, с. 63]

Все три культа развивались в постоянной связи с политическими и социально-экономическими процессами всего полиса, они неизменно оставались его главными покровителями и сакральными защитниками. Культы этих божеств сыграли положительную роль в сохранении единства гражданской общины и полисных традиций, а в послегетское время и в приобщении к эллинскому духовному миру многих представителей иноэтнических представлений.

Ахилл, Аполлон и Зевс, несмотря на свои обширные функции, не удовлетворяли в полной мере все духовно-религиозные запросы ольвиополитов. К официальным культам были причислены и другие олимпийские божества [3, с. 84–85].

Некоторые исследователи отводят значительное место культу Гермеса, который в первые века новой эры поднимается с пятого места в пантеоне на четвертое и следует после Зевса, занимая доминирующее положение в государственной идеологии. Ему также присваивается абсолютно новое культовое имя — Агорей (Рыночный) [4, с. 70]. Функция Гермеса как покровителя рынков усилилась во II в. н.э. Попечительство над его святилищем

обеспечивала также коллегия агораномов, следивших за соблюдением правил торговли и денежного обращения, а по окончании срока службы ставила Агорею посвященные плиты с дарами. Из двух надписей следует, что Гермесу подносили серебряные статуэтки Нике за укрепление государства и собственного здоровья. Они позволяют сделать вывод, что в нем видели бога, не только содействующего торгово-деловой жизни, но и защищавшего полис и человека, что характерно именно для первых веков н.э. [3, с. 89–90].

Популярные раньше культы Деметры, Диоскуров не засвидетельствованы достоверными источниками [2, с. 140]. В это время происходят сложные процессы синкретизации божеств, черты которых отпечатались в религиозном мировоззрении ольвиополитов. В III в. н.э. возрастает роль принципиально новых культов — римских императоров, Сераписа и Изиды, Асклепия и Гигиен, связанных с римским влиянием [1, с. 17–20]. Во второй половине II–III вв. н.э. в Ольвии существовали храмы Сераписа и Изиды, Асклепия и Гигиен [3, с. 132]. Что касается культа римских императоров, то его проявление здесь было незначительным сравнительно с другими городами, где сооружались храмы и алтари, организовывались специальные сакральные союзы, связанные с их культом [2, с. 141]. Влияние провинциально-римской культуры выразилось в появлении также культов Митры, Геркулеса, Немезиды, богов Манов и др. Большинство из них отмечено единичными находками и отправлением их культов римскими legionами. В послегетское время продолжают почитать Посейдона, Кибелу, Диониса, Афродиту, Тихе, Афины. [29, с. 142; 1, с. 20].

Почитание Посейдона в римское время доказывается использованием имен Посидей и Посидоний [5, с. 63]. В первой половине III в. н.э. в городе сооружается храм Посейдона — отмеченный в надписях. В Ольвийском календаре существовал месяц посеидейон, когда обычно проводились праздники этого бога [3, с. 109]. Вполне естественно, что почитание этого бога сохранялось на протяжении всего существования полиса, так как город считался приморским, а морской бог занимал одно из важнейших мест в Ионии.

В римское время приобретает государственный характер культ Диониса, что обусловлено, видимо, развитием виноградарства и виноделия в ольвийском полисе [5, с. 60], о чем свидетельствуют остатки нескольких виноделен и прессов середины II в. н.э. Надчеканка на монетах в виде грозди винограда в первые века н.э. свидетельствует об этом [3, с. 98]. Бесспорным выражением популярности Диониса на протяжении многих веков среди всех слоев ольвийских жителей являются теофорные имена (Дионисий, Дионисодор, Дионисофан и др.), которые по своему количеству и разнообразию намного превосходят образованные от имен других божеств [5, с. 62].

Следует сказать, что из всех женских божеств в римский период наиболее выделяется Тихе, которая, по сути, заменила в Ольвии многие из богинь в полисной религии [4, с. 70].

Расположение Ольвии в окружении многих иноэтничных образований, временное пребывание их представителей и даже проживание в самом городе и сельской округе, особенно же включение в гражданскую общину ираноязычных представителей, не привели к ярко выраженному греко-варварскому или же конкретно греко-скифскому, греко-фракийскому, греко-сарматскому религиозному синкретизму. Некоторые исследователи считают, что тесному сближению ольвийских и варварских богов на официальном уровне мешал антропоморфизм первых и зооморфизм других, что осталось непонятным как теми, так и другими. Как и всем эллинам, ольвиополитам была присуща, в основном, идеализация образов почитаемых ими божеств, отсутствие в них каких-либо устрашающих черт, признание тождества божественной и человеческой сущности [4, с. 73]. Но эллинам, как известно, не было чуждо восприятие и заимствование разных культов и верований, впрочем, вероятно, до каких-то пределов: абсолютно непонятное и чуждое им мировосприятие не могло быть включено в общую религиозную систему. Если даже среди скифов и сармат, осевших в Ольвии, и почитались их собственные боги, то они не воспринимались

гражданской общиной. И тем более не были включены в государственный пантеон Ольвии [3, с. 228–229].

Религиозное мышление ольвиополитов на протяжении многовековой истории менялось главным образом за счет пополнения пантеона новыми божествами и присвоения новых эпиклез, проникновения разных верований и учений, что в итоге порождало пантеизм и синкретизм. Но, тем не менее, с появлением здесь восточных и провинциально-римских культов и верований ольвийская государственная религия до конца оставалась греческой. Этот феномен духовной культуры населения исследователи объясняют традиционной устойчивостью исконных обычаев, а также и тем, что на протяжении многих веков своей истории Ольвия развивалась как самостоятельное, совершенно независимое государство [52, с. 235].

В развитии духовной культуры ольвиополитов первых веков н. э. исследователи выделяют три главных аспекта: сохранение традиционных форм и обычаев; с одной стороны, варварское, а с другой, римское влияние, которое проявлялось здесь медленными темпами постепенного внедрения отдельных элементов провинциально-римской культуры в разные сферы жизни ольвиополитов. Этому постоянно противостояла и мешала быстрым культурным и религиозным переменам наиболее консервативная верхушка ольвийского общества [51, с. 234].

Взаимодействие древнеэллинских религиозных представлений с египетскими, малоазийскими, иранскими, фракийскими и провинциально-римскими верованиями не могла не повлиять на традиционную полисную идеологию. Приверженцы старых полисных традиций продолжали на государственном уровне укреплять культы эллинских божеств. Жрецы и служители культов следили за поддержанием ритуалов и укреплением полисных традиций [29, с. 144–145].

Выводы и предложения. Таким образом, подводя итоги, мы видим, что религия Ольвии не являлась конкретно замкнуто-целостной системой. Сохраняя определенные черты консерватизма, все же она находилась в процессе эволюции и обновления в зависимости от политического, социально-экономического и культурного развития всего полиса. Значительная удаленность от главных центров Эгеиды и близкое соседство с иноэтническими объединениями обусловили особенное своеобразие ее развития. Но несмотря на все перемены, ольвиополиты сохраняли исконно архаические черты, будучи верными своим эллинским традициям, заложенным еще в период становления полиса.

Литература

1. Бондаренко, М. Е. Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья : автореф. дис. ... на соиск. учен. степени канд. ист. наук. / М. Е. Бондаренко. — М. : Моск. Гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак., 2007. — 23 с.
2. Крапівіна, В. В. Ольвія Понтійська. Греко-римський та пізньоантичний періоди / В. В. Крапівіна. — К. : Видавець Олег Філюк, 2014. — 358 с.
3. Русяева, А. С. Религия и культы античной Ольвии / А. С. Русяева. — К. : наук. думка, 1992. — 256 с.
4. Русяева, А. С. Ольвия Понтийская: Город счастья и печали / А. С. Русяева, М. В. Русяева. — К. : Стилос, 2004. — 228 с.
5. Тарасова, Л. В. Религиозные представления ольвиополитов в I–II вв. н. э. по данным антропоники / Л. В. Тарасова // Научные ведомости. — 2012 — № 7. — С. 60–64.

УДК: 904:624.21

Хоменчук А. И.

студент 3 курса, направление подготовки
«История» Гуманитарно-педагогическая академия
(филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского» г. Ялта

Научный руководитель: Новиченкова Н. Г.

к. ист. наук, доцент кафедры истории,
краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» г. Ялта

КРЕПОСТЬ ЧЕМБАЛО В СИСТЕМЕ ГЕНУЭЗСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ КРЫМА XIV–XV ВВ.

Статья посвящена ключевому пункту в системе генуэзских укреплений Юго-Западного Крыма — укреплению Чембало. Это один из наиболее интересных и хорошо сохранившихся памятников генуэзской фортификации в Крыму. В период своего максимального расцвета Чембало был административным центром значительной территории Юго-Западного Крыма, играл важную роль в снабжении Каффы продовольствием и обороне западных границ Генуэзской Газарии.

Ключевые слова: укрепление, Чембало, Балаклава, фортификация, Крым, генуэзцы.

Постановка проблемы. Полноценные археологические исследования укрепления Чембало стали возможными только с начала 1990-х годов, после снятия с Балаклавы статуса закрытого военного города. На сегодняшний день памятник активно исследуется, идет процесс реставрации и музеефикации стен и башен укрепления. Крепость является важнейшим туристическим объектом Юго-Восточного Крыма. Однако, многие вопросы строительства и жизни памятника до сих пор остаются открытыми.

Цель статьи. На основе научных публикаций рассмотреть историю создания, топографию и особенности фортификационного ансамбля крепости Чембало.

Изложение основного материала. Генуэзское укрепление Чембало является одним из наиболее интересных памятников истории и археологии Крыма. Крепость располагается на территории современного города Балаклава в Юго-Западной части полуострова. Ансамбль крепостных сооружений расположился на вершине и склонах горы Кастрон, возвышающейся над входом в Балаклавскую бухту. Людям средиземноморья эта гавань была известна довольно давно. Она упоминается в произведениях таких античных авторов, как Страбон, Ариан, Плиний Старший, однако, о формировании сколько-нибудь значительного городского поселения на территории Балаклавы, по археологическим данным, можно говорить только начиная с X–XIII веков [3, с. 24].

По данным письменных источников, начало генуэзской колонизации склонов горы Кастрон относится к 1343 году [3, с. 25]. В 40-х годах XIV в. поперек северного склона горы были построены вал и ров, укрепленные деревянным частоколом. На склоне у северо-восточного угла намеченной крепостной ограды была устроена каменная башня с воротным проездом. Это укрепление было сожжено ордынским ханом Джанибеком в 1354 году, а местным жителям пришлось спасаться бегством [3, с. 26; 1, с. 265].

В 1357 г. на горе Кастрон началось строительство новой каменной цитадели, общая площадь которой составила 0,16 га. Источником, дающим нам информацию об этом строительстве является консульская надпись Симона дель Орто на камне, обнаруженном во

вторичном использовании в кладке стены балаклавской церкви Святых Апостолов Петра и Павла.

В 1386–1388 гг. у входа в бухту генуэзцы возвели замок Святого Николая. Эта цитадель была больше первой по площади, и занимала 0,18 га. [3, с. 27; 1, с. 265].

Дальнейшее развитие и совершенствование фортификационных сооружений крепости Чембало было связано с серией военных конфликтов латинян с провизантийским княжеством Феодоро в 20–40-х гг. XV в. В этот период, земляные оборонительные сооружения заменяются каменной крепостной стеной, протяжённостью 1080 м, а общая площадь укреплённой городской территории увеличиваются до 3,3 га.

В 1464–1467 годах, при финансовой поддержке банка Святого Георгия, в Чембало велись крупные строительные работы по реконструкции укреплений. Именно в этот период были возведены наиболее значительные из сохранившихся сегодня сооружений крепостного ансамбля. Были усилены башни внешней линии обороны, перестроена цитадель, на вершине горы Кастрон был построен величественный 20-ти метровый донжон. Однако все эти меры не помогли небольшому итальянскому гарнизону крепости в 1475 году защититься от численно и технически превосходившего их турецкого десанта. Большая часть защитников крепости вместе с консулом предпочли не принимать бой, а спастись из крепости бегством. Турки овладели крепостью без боя. Так закончился генуэзский период в истории Балаклавы [3, с.32–33].

В период своего максимального расцвета Чембало был административным центром значительной территории Юго-Западного Крыма с преобладающим греческим населением. Этот крепостной пункт играл важную роль в снабжении Каффы продовольствием и обороне западных границ Генуэзской Газарии. По всей видимости, к 30-м гг. XV в, граница между генуэзцами и княжеством Феодоро проходила по Чёрной речке, далее западнее Байдарской долины и далее между селениями Ласпи и Форос. По данным совокупности источников, в Чембальское консульство входили такие селения, как Карань (Флотское), Кадыкой, Камара (Оборонное), Кучук-Мускомья (Резервное), Варнаутка (Гончарное), Кайту (Тыловое), Батилиман, Ласпи, и остатки византийского Херсона. [3, с.265].

Свой завершённый вид крепостной ансамбль Чембало приобретает к 1460-м годам. В соответствии с топографией памятника современные исследователи выделяют следующие части комплекса:

1. Укрепления верхнего города Святого Николая с консульским замком, занимающие западную вершину горы.

2. Нижний город, окруженный тремя линиями обороны: северо-восточной, по диагонали пересекающей северный скат горы от вершины к бухте; западной, проходящей вдоль крутого склона, обращенного к бухте; и южной, представляющей собой башни и отрезки стен над морем на обрывистом южном склоне.

3. Цитадель с 20-ти метровой башней-донжоном на вершине горы [3, с.34–35].

Все сооружения крепости возведены в характерной для генуэзской фортификации строительной технике из очень плотного местного мраморовидного известняка. Для кладки использовали среднеразмерный грубо сколотый и почти не обработанный камень. При его укладке старались соблюдать ряды. Для лицевых поверхностей кладок подбирали более ровные блоки из плотного нумулитового известняка. В качестве связующего материала в большом количестве использовали очень качественный известковый раствор с сеяным морским песком и мелкой галькой. Для обеспечения равномерной осадки здания и во избежание его деформации широко применялись деревянные конструкции, которые замуровывали в кладку [3, с. 36].

Для более полной иллюстрации особенностей строительства объектов генуэзской фортификации подробнее рассмотрим некоторые элементы ансамбля крепости Чембало.

Башня консула Бернабо Грилло — угловая башня северо-восточной линии обороны, первой встречает туристов, поднимающихся на гору Кастрон. В 20-е годы XV века здесь

была возведена открытая с тыла прямоугольная полубашня, в последствии неоднократно перестраиваемая и усиливаемая. В места обрушения кладок хорошо видно, как строители последовательно наращивали ее толщину. В окончательном виде она приобрела облик закрытой башни, имевшей в плане округлую форму. Сооружение имело два этажа с деревянными перекрытиями и открытую боевую площадку наверху, прикрытую зубчатым парапетом, опиравшимся на двойной аркатурный пояс, представлявший из себя карниз, оформленный рядом мелких прилегающих к стене арок. У основания башни устроено дополнительное укрепление — барбакан, в котором была устроена цистерна для сбора воды, а также располагались несколько артиллерийски орудий [3, с. 37].

Цитадель Чембало расположена на самой вершине горы Кастрон, на высоте 192 метра над уровнем моря. В окончательном виде крепостные сооружения цитадели были отстроены к 1467-му году. Об этой дате постройки говорит консульская надпись, некогда располагавшаяся на стене донжона цитадели. В годы Крымской войны эта надпись, как и большая часть прочих исторически ценных памятников, была вывезена итальянцами из королевства Сардиния в Геную, где находится и сегодня.

Цитадель представляет собой замкнутое, изолированное от остальной территории крепости укрепление, включающее две башни и куртину соединяющих их стен с узкими воротами. С южной стороны цитадель защищает отвесный обрыв, спускающийся до самого моря, оборонительных сооружений здесь нет. Самое значительное сооружение цитадели — Донжон. Он представляет собой монументальную круглую башню, в верхней части которой было, отсутствующее сегодня, зубчатое завершение. Башня имеет четыре этажа и возвышается на почти 20-ти метровую высоту.

Основание донжона до уровня свода первого этажа представляет собой утолщение конической формы, называемое талусом. Это утолщение значительно увеличивало прочность постройки. В цокольном этаже этой башни располагалась водонакопительная цистерна, наполнявшаяся с помощью водопровода и распределявшая воду по трубам далее, к расположенным ниже по слону сооружениям. Второй этаж башни представлял собой помещение, расположенное непосредственно над цистерной. Сюда вел единственный вход в башню, представлявший собой арочный проем шириной около полутора и высотой до двух метров. Третий и четвертый этажи были жилыми и освещались через довольно широкие оконные проемы. На третьем этаже сохранился большой камин. Перекрытия башни были деревянными. Свод башни выполнен в виде купола из аккуратно подогнанных известняковых блоков. Вымощенная каменными плитами площадка на верху башни использовалась для устройства маячного огня. Таким образом, можно сделать вывод, что башня донжона изначально строилась как многофункциональный комплекс, в котором оборонительная функция явно не являлась основной [3, с.40–42].

На сегодняшний день этот памятник генуэзской фортификации активно используется в туристической и образовательной деятельности. На его территории идет исследовательская и реставрационная работа. Крепость является одним из наиболее значимых и ценных туристических объектов Балаклавы.

Выводы и предложения. В завершение следует отметить, что крепость Чембало занимала важное место в системе укреплений Генуэзской Газарии XIV–XV вв., обеспечивала защиту ее западных рубежей от греков-феодоритов и играла первостепенную роль в снабжении Каффы продовольствием. На сегодняшний день укрепление активно исследуется, реставрируется и представляет собой один из наиболее интересных и хорошо сохранившихся памятников позднего средневековья в Крыму.

Литература

1. Бочаров, С. Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. [Текст] / С. Г. Бочаров // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой Международной

конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. — Казань ; Ялта ; Кишинев, 2016. — С. 263–268.

2. Дьячков, С. В. Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг. [Текст] / С. В. Дьячков // Древности 2005. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Историко-археологическое общество, 2005. — С. 212–228.

3. Иванов А. В. Крепости и замки Южного берега Крыма [Текст] / А. В. Иванов. — Севастополь: Билбекс, 2008. — 288 с.

4. Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты [Текст] / В. Л. Мыц. — Симферополь: Универсум, 2009. — 520 с.

УДК: 371 (47) (191)

Ванькевич Е. Н.

студентка 2 курса, магистерской программы
«История», направления подготовки 46.04.01
«История и культура регионов России»

Научный руководитель: Вишневский С. А.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории,
краеведения и методики преподавания истории
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского» г. Ялта

РАЗВИТИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

В данной статье рассматривается развитие системы конфессионального образования в Крыму в XIX начале — начале XX века на основе анализа работ дореволюционной исторической и педагогической научной школы Российской империи.

Ключевые слова: Крым, образование, инородцы, мектебе, медресе–руидие, кенассы.

Постановка проблемы. Актуальность исследования детерминирована тем, что в последние годы в науке повысился интерес к малоизвестным страницам крымской истории, а именно, к проблеме конфессионального народного образования. Распространение конфессиональных школ в Крыму в середине XIX — начале XX века существенно отличалось от других районов Российской империи, поскольку Таврическая губерния, в состав которой входил Крым, всегда являлась многонациональной и поликонфессиональной.

Цель статьи. Восстановить историю развития системы образования Крыма в период середины XIX — начала XX века на основе анализа работ дореволюционной историко-педагогической научной школы Российской империи.

Изложение основного материала.

Во второй половине XIX века возникает необходимость в квалифицированных и грамотных кадрах, которая нашла свое отражение в быстрых темпах культурного и экономического развития России. Исторические условия, общественно-социальные отношения обусловили появление новых теорий образования и воспитания. Образовательное движение, прежде всего, способствовало расширению сети образовательных учреждений, улучшение системы народного образования, усовершенствование учебно-воспитательного процесса.

Научный подход к описанию проблем образования народов Крыма начинается лишь с середины XIX века. Основной тематикой появившихся публикаций были вопросы просвещения: реформирование системы традиционного мусульманского образования; перестройка органов конфессионального самоуправления; создание сети учебных заведений, готовивших педагогические кадры для мектебе.

Автор одного из первых педагогических исследований М. Дмитриевский, в своей рукописи «Картина Крыма или краткое описание татар и других народов в Таврии живущих...» (1815), анализировал существование и развитие национально–религиозных учебных заведений конца XVIII века. Он критиковал воспитание и образование при мечетях, выступал за необходимость модернизацию деятельности учебных и религиозных заведений «...просвещение у татар, к сожалению, находилось на самой низкой степени.

Законоположение Пророка мусульман тому препятствует. Во всех почти крымский городах, включая Севастополь. В некоторых даже селениях были училища, в коих детей татар обучают чтению и письму, и отчасти слушают толкование Корана, чем и оканчивается их учебный курс. Жаль, что дарования татар, природная острота ума почти истребляются суеверным учением Магомета» [2, с. 248].

В. Киреевский в своей работе «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» (1852) выделил ряд основополагающих принципов деятельности учебных заведений: гармоничное развитие всех сторон человеческой личности (в первую очередь духа, и уже затем души и тела), церковность, саму ценность и суверенность личности, целостность и духовную свободу, ведущих человека к самовоспитанию и постоянному нравственному совершенствованию, подчеркнул важность учебных заведений при церквях и монастырях [8, с. 65].

М. Кушнерев, настоятель Феодосийской армяно-католической церкви в статье «Армянские древности Таврического полуострова» (1876) выявил значение армянской церкви в распространении национальных школ в Крыму, раскрыл деятельность армянской общины в воспитании национального самосознания армянской молодежи, проживающей в Крыму, обучении родному языку [с. 315].

Крымско-татарский просветитель, педагог, ученый И. Гаспринский в работе «Русское мусульманство» в 1881 году рассматривал деятельность и развитие медресе, мектебе, медресе-рушдие, поднимал вопрос об организации учителей и священнослужителей для работы в них. Доказывал важность развития и деятельности данных типов учебных конфессиональных заведений. В работе «Что такое мектебе и новый метод?» им создан и развит новый метод обучения татарскому языку, в связи с тем, что в министерских школах обучение не велось на родном языке. Высказался о необходимости первоначального обучения крымских татар в конфессиональных учебных заведениях, а затем в высших учебных заведениях для инородцев [1, с. 8].

Р. Фахруddинов в работе «Святые и чудеса» (1905), а также, в исследованиях «Религиозные и социальные вопросы» (1890), «Комментарии на изречения Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует)», аргументировал воздействие религиозных догматов исламской веры на воспитание подрастающего поколения, их роль в образовании мальчиков в мектебе и медресе. Доказал, что обучение в данных заведениях не может существовать без воспитания с религиозной точки зрения [9, с. 132].

Анализируя образовательный процесс представителей другой веры, известный востоковед В. Смирнов в статье «По вопросу о школьном образовании инородцев-мусульман» (1882) выделил проблемы крымско-татарского начального образования конца XVIII — начала XIX века: дефицит гражданского обучения; подчеркнул, что только медресе и медресе-рушдие занимается начальным образованием крымских татар, привилегии религиозного обучения — школы для мальчиков. Данный анализ статьи доказывает, что в XIX веке в Крыму существовали конфессиональные учебные заведения крымских татар [8, с. 5].

Педагог И. Казас, выдающийся караимский просветитель в работе «Общие заметки о караимах» (1889) рассмотрел процессы, которые возникли в конфессиональном образовании караимов, в контексте религиозно-просветительских традиций. Проанализировал роль кенасс в обучении языку и вере [4, с. 38].

Армянский просветитель, педагог Г. Айвазовский выступая на страницах журналов «Масяц Агавни» («Голубь Масиса») и «Дастиярак» («Воспитатель»), доказал важность открытия при монастырях и церквях учебных заведений для армянских учеников, раскрыл роль армянских монастырей в деятельности науки и просвещения среди крымских армян.

А. Маркевич в исследовании «Таврическая губерния во времена Крымской войны» [6], А. Дьяконов в «Общих очерках состояния народных училищ Таврической губернии» [3], раскрыли социально-экономическое и политическое положение женщин на полуострове,

описали особенности гендерного образования в Таврической губернии в XIX веке, показали его специфику у христианских и мусульманских общин [6, с. 15].

Караимский священнослужитель Я. Фиркович, писатель и археолог, собиратель древних рукописей, первый печатный труд «Massa u–Meriba» (на древнебиблейском языке — «Испытания и споры») посвятил защите и памяти караимского вероучения в полемике с евреями–раввинистами, выступил за важность образования молодежи священнослужителями при мидрашах (начальная школа при общине). Раскрыл функции и долг учителей, правила поведения учащихся при мидрашах.

Таким образом, публикации XIX — начала XX века свидетельствуют, что в этот период писателей, историков, религиоведов, представителей духовенства, ученых, педагогов, интересовали вопросы развития и становления конфессиональных учебных заведений и национально–религиозного воспитания.

Вывод. Представленный нами историографический материал отечественных исследователей дореволюционного периода позволяет сделать вывод, что в данный момент в отечественной историографии еще не проведено характерное комплексное исследование развития системы конфессионального образования в Крыму в XIX — начале XX столетия, а вопросы становления и развития конфессиональных учебных заведений в Крыму изучались эпизодически, в контексте культурного и социально–экономического развития крымского полуострова.

Литература

1. Гаспринский, И. Русское мусульманство [Текст] / И. Гаспринский. — Симферополь, 1881. — С. 3–11.
2. Дмитриевский, М. Картина Крыма или краткое описание татар и других народов в Таврии живущих [Текст] / М. Дмитриевский. — 1815. — С. 208–307.
3. Дьяконов, А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1887 г. / А. Н. Дьяконов // Сост. Директором народных училищ на основании ст. 23 положения о начальных народных училищах. — Бердянск : Типо-литогр. Э. Килиус и К, 1888. — 178 с.
4. Казас, И. Общие заметки о караимах [Текст] / И. Казас // Караимская жизнь, 1911. — С. 37–72.
5. Киреевский, И. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России [Текст] / И. Киреевский. — 1852. — С. 8–68.
6. Маркевич, А. И. Таврическая губерния во времена Крымской войны (по архивным материалам). — Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. — 267.
7. Михневич, И. Исторический взгляд на учебные заведения Новороссийского края и Бессарабии [Текст] / И. Михневич // Новороссийский календарь на 1844 г. — Одесса, 1843. — 61 с.
8. Смирнов, В. По вопросу о школьном образовании инородцев-мусульман [Текст] / В. Смирнов // Журнал Министерства Народного Просвещения. — Москва, 1882. — 12 с.
9. Фахруддинов, Р. Религиозные и социальные вопросы [Текст] / Р. Фахруддинов. — Казань, 1890. — 191 с.